

Наталия Новохатская

Бледный силуэт Луны

*пятая книга из серии
«Тобелен с пастушкой Катей»*

Наталия И. Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей.

Книга 5. Бледный силуэт Луны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57134506

Бледный силуэт Луны / Новохатская, Наталия: Эрнст Хачатурян

(Aegitas); Москва; 2020

ISBN 978-0-3694-0326-1

Аннотация

90-тые годы подходили к завершению, когда Катя Малышева вернулась домой из дальних странствий и стала осваиваться в отечестве заново.

Старый друг и бывший компаньон Валентин ничем Катю не порадовал, он таинственно удалился от дел и объяснил, что в её услугах агентство «Аргус» не нуждается. Тем не менее в Москве у Кати нашлось необычное, но увлекательное занятие – она взялась искать утерянный клад, хотя сомневалась, что он существует. Тем не менее в процессе поисков ей пришлось обратиться к старому другу Валентину, и никто о том не пожалел.

Содержание

Пролог (в письмах)	5
Письмо первое	5
Письмо второе	10
Письмо третье	16
Письмо четвертое	23
Часть I	25
Глава нулевая (№ 0)	25
Глава первая (№ 1)	36
Глава вторая (№ 2)	46
Глава третья (№ 3)	60
Глава четвертая (№ 4)	70
Глава пятая (№ 5)	83
Глава шестая (№ 6)	92
Глава седьмая (№ 7)	101
Глава восьмая (№ 8)	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Наталия Новохатская

Бледный силуэт Луны

*«Бледный силуэт луны обрисовался в утреннем тумане, Тает над рекой печальный зов залётных журавлей, Новый день под небом сумрачной весны настанет, Но не превозмочь ему безмолвия полей...»
Адальберт Гротто, 05.04.1911, сборник «Пряди»
(В высшей степени таинственный эпиграф...)*

encoding and publishing house

© Новохатская Н.И., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Пролог (в письмах)

Письмо первое

Лиссабон, ноябрь1997

Драгоценная моя Верочка!

Во-первых строках данного послания спешу заверить Тебя, мой драгоценный друг, что твое письмо мы совсем недавно получили и безмерно радовались. Особенную радость мы испытали, узнав, что Ваше семейство пребывает в благополучии и приобрело сыну Сашеньке компьютер. А что говорит по этому поводу твой муж – Веруня, плюнь и забудь!

Я понимаю, что муж с женой должны быть едины в делах и мыслях, но не всегда получается. И еще скажу один секрет: совсем не обязательно к этому стремиться. Иначе ничего кроме этого и не получится, будет голый семейный консенсус. Причем весьма односторонний, а именно. Кто сумел навязать свою волю, тот и будет прав. По-моему, все это глупости. Хоп, приехали!

Верунь, ты еще не заснула над моими рацеями? Проснись, это я, Катя Малышева, я просто заболталась, потому что живого русскоязычного человека днем с огнем не вижу на бере-

гах этих Атлантических океанов! Как обычно, следует прибавить классическое: «какой черт занес меня на эти галеры?» И ответ следует классический, куда иголка, туда и нитка. Миша позвал меня в Лиссабон, мы решили построить семейную жизнь на новом месте, теперь остается только радоваться!

Итак, отчет семейный, к чему ты меня склоняешь в каждом письме. Изволь, я готова поделиться. Вот уже полтора года я занимаю почетное место женщины – у семейного очага. Проявляю заботу о муже и воспитываю крошку. Процесс идет успешно, подопечные живы и здоровы, что касается крошки, то он даже процветает. Бегает и болтает, выглядит вполне «рекламно» – как высказался один из редких посетителей нашего дома, владеющих русским языком. (Это Миша подцепил в городе отечественного туриста, что было потом – ну, да ладно... Не будем о грустном.)

Сам Миша-старший тоже процветает, усердно расписывает часовню, и она пока цела. В последнем, думается мне, повинны дешевизна местного вина и его небольшая крепость в градусах. Моя драгоценная половина никогда не бывает ни целиком пьяной, ни полностью трезвой, праздник Бахуса вечно пребывает вместе с ним. А у меня постепенно сложилось довольное пошлое убеждение, что лучше полупьяный муж, чем ежедневные скандалы.

Каковы тебе показались жемчужины мудрости, добытые у домашнего очага? Там я добыла еще много чего, но не бу-

ду никого удручать, поскольку эти штучки ты знаешь сама, только не хотела расстраивать подругу заранее. На том тебе, душа моя Вера, преогромное спасибо. Если бы я знала, что добылось, то никакие силы ада не затащили бы меня к этому самому очагу. Во-первых, здесь (у очага) суетно, во-вторых, всегда грязно, а самое главное – чертовски скучно. И нестерпима мысль, что эта радость продлится до гробовой доски, бесконечный кухонный и прачечный праздник. Ладно, Веруня, кому и что я толкую? Хоп-хоп, приехали!

Да, отвечаю на последний вопрос. Наше финансовое состояние не изменилось в лучшую сторону, а в худшую ему меняться некуда, хоть на том спасибо. Снятая по дешевке дорогая квартира в центре Лиссабона (кстати сами аборигены зовут его Лижбоа), продолжает съедать наш доход, а купленная по случаю скульптура девы Марии поглощает будущие доходы на полгода вперед. Опять же, не будем о грустном.

А в остальном, прекрасная маркиза, все очень неплохо. Город Лижбоа сам по себе старинный и красивый, ребенок здоровый и веселый, муж – что есть, что нет его – особо не радует и не докучает. Но если ты спросишь, куда делся тот Миша, за которым я бросилась вон из Москвы и собиралась делить радость и горе, здоровье и болезнь, и вообще... Поищи в Москве, может быть, он остался там, во всяком случае до города на реке Тежу он не доехал. Хотя, следует отметить, что и знакомой тебе Кати Малышевой, здесь тоже нету. А кто обитает в большой, мрачной, дорогой квартире, кто хо-

дит по лавкам и покупает на медные деньги молочка детишке, кто тщательно собирает крупички житейской мудрости – я не знаю. Во всяком случае, это не я...

Однако ребенок – это отдельно. Здесь его зовут «менина пекина», имеется в виду маленькая девочка. Это потому, что мы имеем кудри при ангельском личике и бесконечно щебечем, временами вставляя португальские слова. Главное из которых «пастелария», это значит кондитерская. Что касается мамы (то бишь меня), то местный язык ей не дается абсолютно, это какое-то колдовство, почти ни слова! Пытаюсь объясняться по-английски, но в окрестных дешевых лавках это бесполезно, так что я перехожу на язык жестов.

Насчет планов на дальнейшее, то это самое грустное. Если часовня не развалится, и в Лижбоа не будет землетрясения, то мы здесь провлечемся еще год. Таковы наши последние новости, и как тебе это понравится? И вот, милая моя подруга, письмо походит к концу, потому что ребенок проснулся в соседней комнате. Я уже слышу, как он выбирается из колыбели. Сейчас примчится. А зовут его теперь Мика, уменьшительное от Микеле. Меня, кстати, здесь зовут Сеньора – на имя почему-то никого не хватает. Да, сейчас я тебя обрадую и умилю, пока Микеле не прискакал. Соседи меня зовут не просто Сеньора, а Большая Сеньора. Они здесь поголовно мелкие и изящные, потому что мои 165 см. считаются гигантским ростом. Веруня, зайчик мой, приезжай в гости, мы будем показывать тебя на ярмарках, твои 175 убьют всех на-

повал.

Целую тебя крепко, надеюсь получить весточку и вообще...

Катя Малышева с края света, буквально.

Р.С. Да, насчет края света, мы тут получили чужую машину на один день и съездили именно туда. В самую западную точку Восточного полушария, она смотрит непосредственно на Америку сквозь Атлантический океан. Местечко называется «Пасть ада» и выглядит в соответствии. Представь себе пейзаж: отвесные утесы высоко над морем, пронзительный ледяной ветер, а внизу беснуются черные волны с белыми барашками – очень веселое обиталище для заблудших душ.

На символику четко отреагировал Мика, его стошнило прямо в чужой машине, и мы ее долго потом отмывали, добыв ведро холодной воды в придорожной харчевне. Пока!

Письмо второе

Февраль 1998

Вера, мой милый единственный друг, привет тебе!

Спешу заверить, что я неизменно рада получать от тебя письма, хотя последнее меня слегка озадачило, чтобы не сказать большего. Даже отчасти удручило, хотя, поверь, к тебе лично удручение не имеет ни малейшего касательства. Как заявил бы наш позабытый дружок Валентин – так уж сложилось. Пока – приехали, объяснюсь чуть позже, вернее, чуть ниже, а пока проследую со своими новостями.

У нас на Пиренейском полуострове настала весна, скорее, кончилась зима, и все живое приветствует смену сезона. В квартире почти исчезла промозглая сырость, и щели в ванной комнате уже не пропускают сквозняков, это большое достижение. В разгар зимы ванная занавеска обвивалась вокруг тела, а ветер невозбранно гулял по помещению. Таких экзотических радостей в ваших широтах не получишь! Столь же приятно, что теперь можно обходиться без электрического отопления, хотя мы все равно жили без него. Мика, мелкий зайчик, насовал в электрокамин кучу бумажных обрывков и пластиковых обломков, после чего камин стал непригоден к употреблению. Поэтому пришлось ждать кон-

ца зимы. Вот мы и дождались.

Зацвел розовый миндаль в парке, это изображено на фото, ветры с Атлантики перестали буйствовать, а я могу сделать сообщение. До следующей зимы мы здесь не доживем, а там пускай они развинчивают камин и смотрят, что припас наш бурундучок. Уже поздней осенью, где-то в районе бывших ноябрьских праздников срок нашего заключения под сенью часовни истечет, и мы, как перелетные птицы, покинем волшебные края. Но полетим не на Юг, а на Север и Восток. Если ничего не изменится.

Часовня, которую я почти и не видела, практически зарисовалась, иных предложений святые отцы не делают, однако, не только они ценят дарования Миши-старшего. Есть и другие меценаты. У нас появились доброжелатели, они зовут главу семейства в Швейцарию, в пригороды Цюриха, где одна состоятельная дама организовала нечто вроде колонии для артистов всех жанров.

Что ж ты хочешь, милая Веруня, близится конец века, и оригинальные идеи не только витают в атмосфере, но даже воплощаются, если находятся деньги. И вот, дописавши День страшного суда на стенах часовни, Миша-старший повернется к ней спиной и двинется вверх по карте Европы, пока не осядет в городке художников. Но это в принципе не важно, поскольку я приняла решение в Швейцарии не задерживаться, а после ознакомления с ее достопримечательностями прямиком ехать домой! От отечества я, разумеется, отвык-

ла, но... Но поскольку я отвыкла вообще от всего на свете, кроме нищего хозяйства на медные деньги с ребенком под мышкой, то в любом случае потрясения от свидания с российской действительностью не произойдет. Кстати, подруге Верочке не надо будет писать писем, а появится возможность трепаться по телефону хоть каждый день, это будет дополнительный плюс и очень весомый. Верунь, ты тоже рада?

Я подождала, пока ты порадуешься, теперь приступлю к объяснениям грустной истории, в которой тебе пришлось принять участие. В Швейцарии, куда нас любезно позвали, обитают мои близкие родичи. Эта подробность выяснилась относительно недавно. Вернее, известно было давно, но связь утерялась за железным занавесом. И вот в прошлом году кузина Ирочка, когда навещала супруга Бориса в Женеве, рискнула и навела справки по старым адресам. К ее удивлению, кузенское гнездо оказалось на прежнем месте, в пригородах Цюриха. Они все дружно обрадовались, и родственное общение возобновилось.

Если ты помнишь, я невнятно докладывала тебе, что в 20-тых годах семья моего деда разделилась на равные половины. Две незамужние сестры и один семейный брат уехали переждать тяжкие времена за рубежи республики Советов (что-то им не понравилось), а третья сестра и два брата остались сторожить недвижимость. А ее было-таки солидно, несколько квартир в Москве и фабрики в Прибалтике. Теперь и ежу понятно, что надо было смываться всей командой, но в та-

ком случае я бы не писала тебе писем, поскольку дед Феликс обзавелся семьей уже после разъезда и раздела. В солидном возрасте 49-ти лет, а бабке тогда было всего 25, отличная романтическая история, но это не сейчас.

Ну, если ты не очень устала, то я продолжу семейную сагу. Так вот, две сестры и один брат попетляли по Европе в поисках спокойного житья и осели в нейтральных странах. В частности, брат Жорж вместе с семьей нашел прибежище в Швейцарии, но вскоре покинул этот мир, у него что-то случилось с легкими. Его семейство не бедствовало, поскольку перед кончиной Жорж, он же Георгий, приобрел в Цюрихе домишко в пять этажей с квартирами для сдачи внаем. Дом и ныне там, Иришка его видела и осталась довольна. В семье рано почившего дяди Жоржа остались двое детишек, Марта и Георгий-младший, они давно выросли, состарились и частично последовали за родителями. То бишь, тетя Марта 75-ти лет здравствует, у нее имеются внуки в количестве 9-ти душ от троих детей, а дядя Георгий, недавно покинул швейцарскую юдоль и оставил в Цюрихе многочадное цветущее семейство.

И вот кузина Ирочка восстановила семейные связи в полном объеме. В результате чего в конце года настанет моя очередь погостить у тети Марты. Мама с папой и тетя Рита у нее уже побывали. А кузина Ирочка ездит туда в гости при каждом удобном случае. Ирочка ко мне заезжала проездом из Бильбао, туда ее носило на каникулы. К слову сказать, она

ведет роскошную жизнь, ездит по Европе иногда с ребенком, иногда одна. Уезжая, Ира захватила посылки для мамы и тебя, потом привезла их в Москву. Лучше бы потеряла, милль пardon, итак, я начинаю каяться.

Ирочка, пребывая в неведении, отдала обе посылки маме, а с моей старушкой творятся чудные дела. В отсутствие ближайших потомков она привязалась душой к дальней кузине, некоей Фаинке, и теперь от всех родных требует того же. На меня она страшно обиделась, что посылка прислана тебе, а не той самой Фаинке. Как я понимаю, ты слышала нечто похожее – уж извини, ради Бога! Если тебе интересно про Фаинку, то она родня со стороны бабушки Глаши, какая-то троюродная или более того кузина.

В нашем детстве она фигурировала как девочка-тихоня, бабушка Глаша говорила, что «ребенок тот хитрый и подленький». В маминых письмах Фаинки становится все больше и больше, причем с затаенным укором. Особенно приятно бывает читать, какой у Фаинки чудесный муж, а вот у меня такого нету. Грустно это все... Верунь, ты меня простила, и кузину Ирочку в придачу? Но я рада, что костюмчик пришелся, хоть и достался столь дорогой ценой. И все, проехали.

Итак, пройдет весна, настанет лето, пройдет и оно, потом осень в Швейцарии. Потом жди меня, и я вернусь. Слушай, что за безмерное послание вышло из-под пера, надо посмотреть, что там делает кроха, не выскочила ли на балкон. Такое недавно случилось к полному конфузу, и (о ужас!) ме-

ня поставила в известность местная полиция. В дверь позвонил человек в форме и заявил, что младенец беснуется на балконе, кидает вниз что ни попадя, как бы не выпал сам. Я думала, что мальчик спит ангельским сном – а как же! Потом собирала с нижних лоджий простыни, одеяла и игрушки, как ты понимаешь, приятно было чрезвычайно. Да, именно в связи с Микой я выучила одно, но ключевое португальское слово «дишкульпе!», что значит «извините»! И ты, подруга Вера, меня извини за все...

Катя Малышева, пока что из Лижбоа

Письмо третье

Ноябрь 1998

Верочка, моя прелесть, радуйся!

(Это так древние греки начинали письма, и я впала в классику...)

Итак, я начинаю... Лета, вернее осени 1998 года от Рождества Христова, писано второе послание к Верочке из Швейцарии, из крошечного городка Берглена, близ Цюриха, на равнинной части Швейцарии.

Приятно было, душа моя Вера, получить письмецо, в коем поздравления перемежались с вопросами. Поздравления по части избавления от Страшного суда я принимаю, он буквально въелся в печенки. Правда, теперь я понимаю, что покинутая мною Португалия – чудесная страна, и вспоминать ее буду с тихой грустью.

Известия об отечественном кризисе с дефолтом мы имели в горячке переезда и почти затеряли меж пакуемых вещей, поэтому обошлись легким испугом. Что касается нашего пребывания у родных, то первыми впечатлениями я делилась, и они практически не изменились. Как я писала, в этой замечательной стране люди потратили полтысячи лет, чтобы

создать своим гражданам богатую и свободную жизнь. У них получилось.

Тетушка Марта, у которой я квартирую в большом уютном деревенском доме, оказалась приятной, очень энергичной старушкой, привязалась к Мике, и нам у нее очень неплохо живется. Все у нее в доме прекрасно.

Кроме одного, но секрет я открою только тебе, Веруня. Как все старосветские немки, тетушка Марта делает из домашнего хозяйства культ, оттого гостям приходится делать вид, что набожное отношение к домоводству вполне в порядке вещей. Не хочется огорчать тетушку Марту, во всем остальном она безупречна, даже немножко говорит по-русски. Ее вывезли из России в сознательном, хотя и юном возрасте. Ее дочери Эстер и Флора, тоже приятные дамы, у обеих взрослые дети, а единственного сына Вальтера я пока не видела. В родственном конклаве имеется еще одна старушка, тетя Эрика, она живет неподалеку в приятном доме для состоятельных старичков, я у нее побывала. Мама тоже ездила знакомиться, а папа встал в позу и не поехал.

Сейчас объясню почему, заодно тебе будет любопытно узнать о тете Эрике, как и мне было любопытно с ней познакомиться. Так обнаружился замечательный семейный сюрприз и секрет, хранившийся под спудом более 50-ти лет. Тетя Эрика – дочь дяди Макса, он остался на пару с дедом Феликсом караулить семейную недвижимость. Дед Феликс умер сам, а его брат Макс сгинул в Соловках за какие-то

инженерные упущения. С его семьей связь была потеряна, никто даже не заикался, что за Уралом имелись двоюродные Эрика и Генрих. Представь себе, каково было всеобщее удивление, когда среди родных в Цюрихе обнаружилась тетя Эрика и сказала, что ее брат Генрих умер в Екатеринбурге не так давно. У него остался сын, некий кузен Сережа, он скоро приедет и с ним предстоит знакомство.

Так, с чего я, бишь, начала? С удивительного факта, что папа не пожелал знакомиться с тетей Эрикой. И вот почему... Старушка Эрика оказалась изменницей Родины. «Мой отец и дед перевернутся в гробу, если я поеду в гости к изменнице Родины!» – произнес папа, отказался от визита к тете Эрике, и маму отпускал к ней неохотно.

В кратком изложении история старушки Эрики выглядит так. В самом начале войны ее как врача-хирурга мобилизовали в действующую армию, невзирая на сомнительное немецкое происхождение. Летом 41-го Эрика Зибер 32-х лет угодила в плен вместе со своим военно-полевым госпиталем, одна армия стремительно отступала, другая спешила вслед, и вихрь истории унес с собой тетю. Врачи, в особенности, хирурги требовались на театре военных действий всем и везде, тетя долечивала своих раненых, потом к ней под нож автоматически стали поступать пострадавшие с другой стороны, тетя Эрика резала и шила их тоже. Так завещал Гиппократ. Однако по законам военного времени она стала изменницей Родины, и когда армии поменялись ролями, ей пришлось уй-

ти вместе с отступающей. СМЕРШ, это вам не Гиппократ.

Где-то на полдороге тетя Эрика обогнала немецкую армию и немыслимыми путями добралась до нейтральной Швейцарии, она знала, что там живут кузен Жорж с кузиной Мартой, плюс две незамужние тетушки, Мета и Кристина. Те приняли ее как родную, невзирая на измену обеим воюющим сторонам. Так тетя Эрика дожила близ Цюриха до глубокой старости, не переставая печалиться о том, что родные в России считают ее пропавшей без вести. Это и была страшная тайна, которую зарубежные родные хранили при редких моментах общения с нами. Отчасти потому, что до самого последнего времени старушка Эрика боялась длинной руки СМЕРШа, но ее можно понять. Окончательно я поняла ее, когда мой личный папа отказался выпить чаю с предательницей.

Ладно, Веруня, я утомила тебя семейной историей, а вот тетя Эрика оказалась весьма забавной старушенцией. Выглядит она в точности, как Сова из «Винни-Пуха», даже шаль на ней похожая, притом старушка отлично говорит по-русски, к тому же блистает язвительным юмором. Для меня лично она припасла работу по специальности, чтобы я «не очень-то кисла по хозяйству у добрейшей нашей Марты» – так выразилась изменница тетя Эрика. Дело в том, что старушки решили разобраться в семейном архиве, он пролежал у дяди Георгия более полувека, а после его кончины плавно перешел к тете Марте, поскольку остальным наследникам был аб-

солютно по фигу. Там громоздятся горы переписки на трех языках, старшее поколение активно обменивалось новостями после разъезда. Писали бойко на трех языках: по-русски, по-немецки и по-английски. Английским баловались мой дед и его любимая сестричка Кристина – Крисси, так он звал ее в письмах. Как выяснилось, моя прабабка Эмма была англичанкой, с ума ведь можно сойти от такого количества открытий, свалившихся на голову!

Так вот, немецкой частью архива занимается тетя Марта – читает и сортирует, русскую переписку предков взяла на себя изменница Эрика, а мне предложили изучить письма деда Феликса к тете Крисси. Поскольку и дед мой личный, и язык мне знаком, и время у меня есть. Кузина Ирочка бывает наскоками и письма ей, как бы это поэтичнее выразиться – до фонаря! Теперь душа моя Вера, я тут при хозяйстве и при деле, даже ребенок почти присмотрен. Тетушка Марта охотно возится с мелким, он даже по-немецки залопотал, пищит «Нейн!» вместе «Нет!», а тетя умиляется.

А что касается мужа, то он перешел в иное качество, почти невидимое. Приезжает на уикэнд и не знает, стоит ли перевозить семью в суетный «Городок художника и скульптора». Там уж очень богемная обстановка, Катя устанет – такими сомнениями Миша поделился с тетушками. Те вникли в его проблемы и высоко оценили заботу о Катином душевном спокойствии. Катя-то сама думает, что к концу года или к началу следующего она с малым двинется домой по зимней

прохладе. Погуляли по заграницам и будет, а то ведь мелкий Мика останется без языка, несмотря на лепет на трех сразу.

Да, Верунь, у меня к тебе просьба. Узнай, пожалуйста, как можно из двух однокомнатных апартаментов сделать мне квартирку побольше. Говорят, что у вас, то есть у нас в Москве развернулась риэлторская деятельность. Что касается моих непосредственных предков, то на них надежда плохая. Они стали стары, и появились причуды. Скажу тебе по секрету, я побаиваюсь поручить им риэлторский бизнес, поскольку свою квартиру они сменяли очень странным образом. Отчего-то при том участвовала кухня Фаинка, печально, хотя и отдаленно тебе знакомая. Грустно это все, но проехали.

Посылаю пару картинок: мы с Микой в швейцарской деревне, а за каналом виднеется дорога на Цюрих. Красота и благолепие кругом. Пиши чаще, а то не успеешь, и я буду писать письма: как освою семейный архив, так и настрочу тебе из него резюме...

Целую крепко, ваша репка, а именно

Катя Малышева пока что из под Цюриха

Р.С. Да, забыла тебя поздравить с удачей и ответить на настоящий вопрос. Я очень рада, что у вас в кризис ничего не пропало, поскольку ничего не было. Примерно то же самое могу сказать о себе. Были у меня в банке некие деньги

в акциях, но я почти все бодро растратила до кризиса – у Миши год назад возникла идея. (Я писала о ней или же нет? Не помню... И не надо.) Кризис бы все равно их съел. Так что когда я вернусь, то в исходном финансовом состоянии – то бишь, без ничего, как все хорошие люди.

Письмо четвертое

Январь 1999

Вот и все, Верунь!

Больше писать не надо, а жди нас с крохой в Москве!

Опять мы пакуем сумки и ящики, вновь расстаемся с местом обитания, с родными и близкими, в частности с Мишей-большим. Он прижился в художественном городке, ему там хорошо, а нас ему пока не надо. Увы, это даже не грустно.

Скучать и плакать будет тетечка Марта, она привязалась к Мике, даже просила оставить его с нею до весны. Потому что в России, как она помнит, зимой страшно холодно, а вдруг будет и голодно? Правда, осенью она опять ждет нас к себе, я дала слово, к тому же появилось дело, но об этом я доложу в Москве.

Да, если вдруг заявится мой кузен Сережа из Екатеринбурга, то скажи, что нас еще нету, но будем в конце месяца. Я дала твой адрес и телефон для связи. Потому что мы, как приедем, так включимся в обмены-перепродажи жилых площадей. Все договорено, спасибо тебе, Верочка, что связала меня с Валькой. С его и Божьей помощью мы проработали вариант-конфетку, но скорее всего, его супруга Марина уже доложила.

Слушай, Верунь, я так и не поняла, где мой бывший компаньон теперь живет, если не дома? И почему надо ему звонить надо на факс по какому-то хитрому номеру? Он сам темнит, даже юродствует, заявляет, что я-де наведу на него киллеров и налоговую инспекцию. Ну, ты его, голубчика, знаешь, вот приеду и все досконально выясню. Да, насчет кузена Сергея, ты Верунь, не обессудь: он личность очень странная, но вполне безобидная, если объявится, то не обижай его особенно.

Еще, слушай внимательно, подруга Вера и ответь мне устно, когда я приеду и приду в разум. Ты-то уже знаешь, что такое быть взрослой? Я поняла такую жуткую штучку, не перестаю печалиться. Такое грустное оказалось открытие. Быть взрослой – это когда о тебе никто не думает, хоть тресни, а самой надо думать о других.

У тебя уже проклюнулось? Если да, то мне тебя жаль, почти как себя лично. Однако, не будем о грустном, лучше жди меня вскорости, и дома все обсудим.

Катя Малышева из Цюриха

В последний раз...

Р.С. Тетушки и остальное семейство: сын тети Марты Вальтер, дочери Эстер и Флора с множественными детьми – коллективно шлют тебе приветы, ибо очень хорошо воспитаны, нам бы так.

Часть I

Ларец с чужими тайнами

Глава нулевая (№ 0)

(Увы, состоящая из одних объяснений, но иначе вообще ничего не ясно и спокойно можно рехнуться, что вообще не исключено и при наличии их, то бишь объяснений. Итак. Конец лета, конец века, от души надеюсь, что не конец света... Это я о конкретном времени исполнения записок и мемуаров, приуроченных к «фин де сьеклю».)

Лето завершилось, круговорот замкнулся к всеобщему недоумению, теперь остается смотреть на дождь за стеклами и писать объяснения к летнему светопреставлению. Или это была всего лишь репетиция? Итак, как в приличном семейном романе, век которого давно уж минул, я вынуждена объяснить диспозицию, из которой все развернулось.

Друг мой вечный, Валя, не возражаешь против моего упоминания тебя в третьем лице вместо второго? Объяснений, разумеется, ты запросил своею личной персоной, но вызывать к Отче Валентину письменно я почитаю делом непродуктивным, поскольку несомненно собою на ненужные подроб-

ности о своем душевном состоянии и на выяснение отношений. Ведь есть о чем вспомнить! Что не интересно никому, даже нам с тобой.

Договоримся так: я буду объяснять сложные обстоятельства неведомо кому, вставляя в повесть близкого друга Ваю. Он в свою очередь изложит обстоятельства и соображения кому следует, если надобно. Используя при этом любые лица и любые выражения, какие посчитает возможным. Признаюсь сразу, в объяснениях имеются детали, да еще какие, но обойтись без них не получится. Правда, до самых удручающих еще далеко, можно читать спокойно, а я сделаю предупреждение, как начнется неудобсказуемое.

Пока первым по счету идет знаменитый квартирный вопрос, который испортил поколения россиян на многие века вперед. Друг мой Валя в то трудное время возник ниоткуда и с легкостью подсобил, с того момента я числю реальное начало событий, что-то вроде завязки. В начале года, собираясь вернуться из Лиссабона через Цюрих, я поручила заняться своим недвижимым имуществом бывшему компаньону Вале, а вовсе не своим личным родителям. Тогда я ничего Вале не объясняла, а он меня дразнил, утверждая, что прелестное дитя просто погрязло в тайнах. Теперь – ради Бога, но отнюдь ничего интересного.

Все просто как огурец, но гораздо менее приятно. За два с лишним года нашего с Микой отсутствия место дочери и внука оказалось занятым. Подсуежилась некая кузина Фаин-

ка, сыграла роль почтительной дочери, влезла в жизнь моих предков, лихо совершила жилищный обмен в свою пользу и стала тихой сапой подкапываться к моим жилым площадям.

Когда я приехала, то в единый миг и не освоившись, оказалась в роли плохой дочери, а в роли хорошей и, главное, послушной утвердилась Фаинка. При ней завелся муж Толя, а также маленькая дочка Милочка, ребенок невыразимой прелести. Не успела я распаковать ящиков, как мама Мария Феликсовна представила план размена моей недвижимости, даже не к рассмотрению, а непосредственно к исполнению. Они с кузиной Фаинкой успели связаться с дешевой фирмой и дали мелкий задаток за мой счет. План размена заключал в себе кладезь житейской, а также риэлторской мудрости. Две мои небольшие квартиры в разных местах города в планах предков спешно продавались, затем обменивались самым невероятным образом.

Нам с Микой назначалась одна квартирka из двух комнат в кирпичной «хрущобе» с перспективой на улучшение в третьем тысячелетии, но с колоссальным преимуществом. Эти хоромы стояли в близости к месту проживания мамы и Фаинки. Они чуть раньше сменялись в соседние друг с дружкой дома, что числили крупным достижением. Остаток моей недвижимости уходил по плану на небольшой, но недешевый дачный домик в не самом ближнем Подмоскowie. Дачка мыслилась, как общая собственность с Фаинкой, так вроде выходило меньше налога, этот момент мама многословно

и не очень убедительно разъяснила мама, ужас просто. Как я отбивалась от планового варианта и как отбилась, это отдельная история. Главное, что взамен друг Валя выторговал отличную квартиру с видом на сад, который я обнаружила много позже.

Пункт первый мы, наконец, миновали, и можно приступать к рассказу, отчего в моем доме над садом появился кузен Сережа, а также почему общая с ним деятельность пребывала в глубокой тайне. Кузен Сережа появился еще в Швейцарии, впервые показался на глаза в скромной квартирке изменницы Родины тети Эрики. Что не удивительно, поскольку Сергей приходится ей родным племянником. А оба они потомки дяди Макса, родного брата моего деда. Уфф! Думается, что не стоит углубляться в дебри семейной истории, поскольку она запутана и не всегда достоверна. Единственно следует знать, что в Швейцарии, в сельской глуши неподалеку от города семи банковских гномов – а именно Цюриха, у меня нашлись родственники, поведали подробности семейной истории и приобщили к тайне, которая давно отбрасывала странную тень на их существование. Кузен Сергей возник вместе с секретным заданием и заранее предназначался мне в напарники. Что касается самого кузена Сергея, то, видит Бог, я бы не взяла такого компаньона даже для сбора маргариток на лугу, но выбирать не приходилось, а судьба в лице тетюшек подкинула Сергея.

В маленькой уютной келье изменницы Эрики возник на

бледном закате человек среднего возраста, напрочь лишенный признаков жизни, бесплотный, почти как тень отца Гамлета. Казалось, что эта бумажная фигура колеблется от ветра и в любой момент может сложиться вдвое. К нелепой фигуре свободно крепились слишком длинные руки и ноги, венчало ее вытянутое лицо с белесыми бровями и бесцветными глазами. Бедняга кузен выглядел, как злая пародия на печального Пьеро, только без балахона. Если говорить просто, то кузен Сергей разительно напоминал мороженного судака, милль пардон.

Неудивительно, что в свои сорок с чем-то лет Сергей был абсолютно одинок и сильно предубежден против женского пола в целом. Ну, и кроме внешности все остальное успешно складывалось в единый образ у бедного кузена. Ко всем прочим прелестям добавлялся тусклый голос, медлительная манера речи и общая неуверенность во всем на свете, начиная с себя. Но кровь не вода, пришлось брать на частное задание того компаньона, какого дали тетушки. Кузен поначалу меня панически боялся, но постепенно привык и тогда стал фамильярен, прозвал «кузинкой-корзинкой» и смеялся над тетушкам за их спинами. А мне приходилось улыбаться.

Теперь я исчерпала пункт второй «кузен Сережа», теперь приступаю к главному, в достоверность чего ни единый нормальный человек поверить не может, но никто и не заставляет. Потому что обе тетушки предложили нам с Сергеем поискать клад, а мы подумали и приняли к исполнению. Тут

замороженный и оттаявший кузен проявил завидное здравомыслие и сказал примерно такую речь, раскуривая «Золотую яву». (Ко всему прочему он привез в Цюрих изрядный запас, не надеясь найти излюбленный продукт в заштатной Швейцарии.)

– Скорее всего, у наших старух выиграло детство, точнее маразм, но... Кто ж мешает-то проверить? Если в конце туннеля засветятся кой-какие деньжата, они никому не помешают, – заявил кузен Сережа, а я с ним согласилась, невзирая...

Предполагаемый клад хранился у гномов Цюриха за семью замками в подземных сокровищницах. Если, разумеется, он существовал на самом деле, а не в воображении престарелых тетюшек. Что отнюдь не исключалось, как не исключается до сих пор. Окончательная проверка назначена на октябрь-ноябрь 1999, тогда и узнаем. Кстати, самое забавное получилось как бы нечаянно. Ключи от мифического клада раскопала и преподнесла обществу лично я, собственной персоной. Хотя у тети Эрики всегда были отдельные сообщения на сей счет, однако она ими почти не делилась, поскольку ей никто бы не поверил.

Это и будет пункт третий, самый главный. Он ненавязчиво объясняет, чем мы с кузеном занимались остаток зимы и целую весну. Иначе может сложиться впечатление, что оба на пару лишились рассудка, либо нас сразила редкостная форма семейного безумия. Отчасти поэтому наша деятельность окутывалась глубокой тайной. Также тетюшки мяг-

ко просили придержать информацию в секрете от мамы, поскольку ее странности произвели на них не самое лучшее впечатление. Будучи в гостях у тетушек, мамочка роняла намеки на духовное удочерение Фаинки и порицала мое злостное нежелание признать ту сестрой. В список недоверенных лиц попала и тетя Рита, она могла нечаянно проговориться просто от доброго сердца. Кузина Ирочка находилась в курсе событий, но чертова девка всегда занималась только собой, вечно курсировала между Москвой и Женевой, и толку от нее не выходило почти никакого.

СЕМЕЙНЫЙ КЛАД У СЕМИ ГНОМОВ

(отдельная история)

У моего деда Феликса было пятеро братьев и сестер, он сам был шестой, все они были дружные, веселые и очень предприимчивые. Это была добротная англо-немецкая семья, общие разветвленные предки жили и процветали в первопрестольной со времен Алексея Михайловича Тишайшего в Немецкой Слободе. Такая благодать длилась несколько веков вплоть до момента, когда в России произошла пролетарская революция и последующая диктатура упомянутого класса с террором и конфискацией частного имущества граждан.

Мои глубоко буржуазные предки всегда мирились с капризами российской власти и вслед за Гегелем почитали действительное разумным, правда, за одним существенным ис-

ключением. Когда дело касалось их собственности, то Гегелю они мигом указывали на дверь и начинали думать, затем действовать по своему разумению, без философии. Их коллективного разума хватило на то, чтобы освоить ситуацию и проработать планы на будущее с учетом множества возможных вариантов.

В результате семейных раздумий две сестры и один брат отъехали в западную Европу, прихватив с собой профиты от продажи части имущества. Двое другие братьев и сестра остались в советской России наблюдать за событиями, заодно покараулить несколько квартир в Москве. Мой дед Феликс оказался среди оставшихся. Как делилось между родственниками проданное имущество, сказать сложно. На этом месте семейная история набирает в рот воды или начинает запинаться и мямлить. Потом опустился железный занавес и прикрыл не только имущественные проблемы, но практически все общение разделенного семейства. К тому времени, как занавес поднялся, старшее поколение вымерло, среднее состарилось, а прошлое стало всемирной историей.

Хватит с читателя присказки, а сказочка вышла вот такая. После смерти брата Жоржа тете Марте достался целый архив разноязычной переписки. Письма лежали мертвым грузом более полувека, но к моему визиту тетушки Марта и Эрика приготовили приятный сюрприз. Они отыскиали и выдали мне на разборку переписку деда Феликса с сестрами и братом. Одной сестре дед Феликс упорно писал по-англий-

ски, они либо упражнялись в языке, либо соблюдали строжайшую конфиденциальность.

Освоивши эпистолярные манеры предков, я начала получать удовольствие от их стиля общения. Кстати, они оба: дед Феликс и тетя Кристина (по-домашнему Крисси) – относились к нелегкой жизни весело, рассматривали пору военного коммунизма и начавшегося НЭПа, как забавный театр абсурда. В котором, раз оказавшись, надо не сетовать, а принимать правила игры. Если повезет, то можно даже получить удовольствие от спектакля. Но среди потоков семейной информации я вдруг выудила подробности, о которых не упоминалось нигде и никогда. Выяснилось, что дед Феликс в 192... году ездил в Эстонию встречаться в братом Жоржем, отцом Марты и ныне покойного Жоржа-младшего. Чуть-чуть собравшись с мыслями, и уловив часть намеков я сообразила, что дед Феликс с братом Жоржем съехались в Эстонию отнюдь не ради семейного общения.

В независимой республике остались основные фамильные богатства, конкретно Кексгольмские мануфактуры. И в 20-тых годах пришло время их реализовать, возникли трудности международного характера. Как и в новейшие времена, в те далекие годы в независимой Эстонии косо смотрели на собственность нерезидентов, она могла спокойно пропасть. Поэтому оба брата преодолели преграды и съехались, чтобы вместе реализовать семейную недвижимость какому-нибудь резиденту, чтобы она не пропала совсем. И удачно продали

тогдашнему послу Эстонии во Париже, сделку завершали через филиал банка в Стокгольме. Из филиала деньги пошли в Цюрих, где успел осесть Жорж. На свою долю, он, надо понимать, прилично прибарахлился и помог устроиться незамужним сестрам в Стокгольме.

Но никто из швейцарских родных не знал, что случилось с долей Феликса и Макса. До самого последнего момента длилось впечатление, что все пропало в вихре войн и революций, пропало и забылось. Оказалось, что не совсем. Тетя Эрика помнила разговоры о деньгах, отложенных в Швеции или Швейцарии; бабушка Глаша (на моей личной памяти) иногда сетовала, что бескорыстием деда Феликса пользовались заграничные родственники. Дед обещал, что когда они уедут за границу, то будут жить вполне безбедно, «потерпи, милая Глаша». Но дед Феликс скоропостижно скончался в процессе оформления документов на выезд, никого из родных, кроме бабушки и мелких детей, рядом не случилось. Деда Феликса поразил внезапный удар, и он скончался в три дня, ему было 54 года.

И вот пожалуйста, читая английские письма, я выудила секретный отчет деда Феликса сестричке Крисси, выполнен он был в полунамеках, полусмешках. Выяснилось, что ровно половина суммы, наследство Феликса и Макса, пошла на счет одного из гномов Цюриха, лежит там без имени, но под девизом и номером. Дед Феликс, правда, намекал, что денег вышло меньше, чем хотелось, посол Эстонии в Париже по-

пользовался их статусом неграждан и заплатил скуповато.

Насчет девиза меня охотно просветила тетя Эрика. Когда я поделилась с ней догадками, старушка ничуть не удивилась, а вспомнила, что одну длинную стихотворную строчку папа Макс заставлял их с братом твердить наизусть каждый Божий день, вроде бы как для просвещения. Какой из семи банковских гномов имелся в виду, тоже было известно. Тетя Марта имела сведения по своим каналам, у нее хранились бумаги о покупке цюрихского дома, в них фигурировало имя банка. О номере счета заботился мой личный дед Феликс. В письме сестре Крисси он туманно намекнул, что записал ряд цифр на виду у всех, не иначе, как воспользовался советом Эдгара Алана По, то есть положил секрет на самое видное место. Надо думать, сестре Крисси стало ясно, где искать номер счета, но все остальные, включая меня, остались в неведении. Номер счета так и завяз в России незнамо где, нам остались одни лишь подсказки, как в телеиграх.

Тетушка Эрика, правда, заявила что с гномами можно затеять торг и обойтись одним девизом. Однако, в таком случае дело растянется во времени и потребует денег, гномы далеко не так наивны, их голыми руками не возьмешь. Вот так мы с кузенком Сергеем получили от старых тетушек замечательное задание, пойти и поискать на просторах Родины номер счета, который дедушка Феликс очень удачно спрятал на виду у всех Бог весть сколько лет тому назад.

Глава первая (№ 1)

(вновь получилась ознакомительная, но прошу немного терпения, это не надолго...)

Никогда не приходилось мне обитать постоянно в густом зеленом саду. Куда ни кинешь взор – видно небо и под ним зеленое море ветвей. Как будто и не в Москве и ни в городе вовсе. «За этот чад, за этот бред пошли мне сад на старость лет» – бедная Марина Ивановна мечтала и просила, а мне сад достался даром, две квартиры очень удачно слились в одну стараниями усердной фирмы, а сад явился в виде бесплатного приложения. Зимой, когда я ездила смотреть квартиру, в поисках окончательного ответа, то сада не заметила вовсе, все было голо и неприглядно кругом. Кирпич, дворы и помойки и злая Горбушка поблизости. Я было покрутила носом, но квартира оказалась хороша, хотя два окна в ней выходили на магистраль. Но зато три большие комнаты, много воздуха, обширная кухня. По коридору Мика мог ездить на велосипеде, это меня подкупило. Еще детский садик прямо под окнами, все в один голос твердили, что он очень хороший. И впрямь, детки там бегали веселенькие и отчаянно кричали. Я представила Мику в их кругу, и ничего во мне не запротестовало. Это решило дело, квартиру я купила и тут же переехала со всем скарбом.

(Милль прощай, это называется: «кто о чем, а вшивый о бане!») Переехали мы поздней зимой, а нити мыслительных процессов еще тянутся к квартирам, обменам и переездам. Помню я, как тетя Рита ремонтировала дачу, ну просто тихий ужас имел место. Два следующих года бедная тетя ни о чем не помышляла, кроме как о стройматериалах, грузовом транспорте и запойно пьющей рабочей силе.)

И вот весной я сначала заметила, что живу в густом оазисе цветущей зелени, в начале мая под моими окнами зацвел каштан, потом настала очередь дикой вишни и одичавшей яблони. А когда возвращаюсь домой от метро, то иду сквозь аллею, вечерами получают темные аллеи, луна в разрывах облаков и обильные ветви, полные цветов и листьев, вся отечественная литература спешит навстречу. Ко всем прочим прелестям бытия рядом нашелся почти бездействующий стадион. По утрам, забросив Мику в сад, я гуляла кругами по тартановым дорожкам под перестук колес, идущих мимо электричек, а долгими весенними вечерами мы с мелким Микой бродили там вдвоем и заводили знакомства среди многочисленных собак. Мика млел от счастья, когда ему давали подержать в объятиях щенка таксы или разрешали пройти неспешным шагом рядом с огромным бобтейлом Арчибальдом. Владелица нашего белого друга гордилась тем, что я доверяю Арчику безопасность Мики, а малец льнул к огромному псу, как к родному. Смотрелись они просто умиротворенно, громадный белый Арчик возвышался снежной го-

рой, а у подножья бегал Мика, мой черненький зайчик.

Днями, между посещениями стадиона (понятно, когда погода позволяла его посещать), я занималась привычным делом. В одном издательстве мне дали в работу перевод ученой дамской монографии, и ее хватило на все лето. Одна видная американка французского происхождения наконец-то осмыслила роль женщины в обществе от неолита до наших дней и поспешила ознакомить читающую публику со своими выводами. Мои я пока придерживаю при себе, могу поделиться лишь одним наблюдением. Мне кажется, что к ученой даме Сцинтии Белькро удачно пристроился переводчик под псевдонимом Саша Кобальт. Правда, может статься, что это еще одна дама, Александра. Во всяком случае уже на десятой странице текста я озадачилась, полезла в оригинал, и не зря. Саша Кобальт невыясненного пола не только изящно перекладывал ученые мысли Сцинтии, но элегантно подбрасывал к ним свои интересные наблюдения и примеры. Иногда получался просто блестяще, автор и переводчик составили забавный дуэт.

Еще одно развлечение предоставили заморские тетушки, милейшая добропорядочная Марта и изменница Эрика. По их наводке мы с кузенком Сережей активно клад, вернее, ключи от него. В нашем случае дуэт кладоискателей выходил не менее увлекательным, чем у Сцинтии с Сашей Кобальт(ом?). Кузен Сережа наведлся в Москву ранней весной, затем в начале лета перебрался на постоянное жительство в перво-

престольную.

С кузеном Сережей мы прошли несколько стадий поисков клада, довольно смешных.

Стадия первая. Выйдя из под влияния престарелых тетушек, мы оба сообразили, что совместная поисковая деятельность сильно смахивает на бред двух безумцев. Факт осознан во всей полноте во время первого визита Сергея на мою старую квартиру. Я паковала вещи, а Сергей слонялся по разоренной местности и нудил, что ни черта не получится, а уж двоим взрослым людям просто стыдно. Хотя тетушки... А что тетушки? Выжили из ума, а мы им потакаем, неужели непонятно?

В подобных неприглядных мыслях мы дружно согласились отместить прочь безумную идею поиска кладов, а бедным тетушкам со временем что-нибудь наврать. Стыд и малодушие царили в тот вечер в моей разобранной квартире, Сергей от смущения взялся паковать оставшиеся мелочи и между делом посматривал за Микой. Ребенок активно участвовал в процессе переезда и тщательно следил, чтобы не забыли взять семейку трех райских птичек из проволоки и пуха – прощальный подарок тетушки Марты. Мика, мелкий бес, выцарапал их под стеклянного колпака, где пернатые монстрики провели Бог знает сколько времени. Доброе тетушкино сердце не вынесло разлуки с мальчонкой, и она рассталась с украшением своей гостиной. Однако к ярким птицам Мика питал серьезные чувства, играл в разные игры, кормил

крошками и вел с пернатыми друзьями назидательные беседы. Они же, то есть троица райских птиц антикварного возраста, незаметно навели нас с кузенком на компромисс в решении больной проблемы совместного кладоискания.

Стадия вторая возникла исподволь. Насмотревшись на возню ребенка с птицами и наслушавшись щебета, мы с кузенком слово за слово перешли от постыдного уныния к половинчатому решению. Конечно же, не всерьез и ненадолго, только, чтобы сделать приятное милым старушкам, можно поиграть в розыски фамильного клада. Вот как Мика играет со своим птичником в переезд.

Для начала следовало составить план поисков и письменно отчитаться тетушкам. Старушки будут довольны, а нас это ни к чему нас не обяжет. Мы можем отнестись к их вере в запрятанный клад так же снисходительно, как к Микиной возне с яркими птицами. Вон Сергей только что посадил одну из птичек за руль грузовика и лихо прокатил по коридору, и никто не сказал ему, что это неразумно. Ну и вот, птицы-птицами, а мы с Сергеем в первое посещение кое-чего достигли.

Подхлестнули воображение и представили, каким образом дед Феликс мог запечатлеть номер секретного счета, если кладоискательская феерия и впрямь происходила в Москве в начале двадцатых годов. Объектами внимания и поисков могли стать три квартиры и множественный антикварный хлам. И еще письма, Сергей пообещал вскрыть свой

семейный архив, вдруг найдется сообщение в любой, самой завуалированной форме. А если нет, то остаются квартиры в Москве и разрозненное движимое наследство, щедро разбросанное по трем домам. Один из них непосредственно мой, он в полной доступности, а к моим предкам и к квартире тети Риты следовало осторожно подступиться.

Кузен Сережа уехал к себе на Урал с твердым заданием, а мне было поручено выяснить адреса трех вымороченных квартир и составить список наличных предметов искусства и обихода, состоявших во владении деда в двадцатых годах. Эта экстравагантная мысль пришла нам с Сергеем в головы почти одновременно, когда мы узрели, как Мика усаживает птичье семейство в старинную, сложно склеенную конфетницу. Вещицу следовало тщательно запаковать, она принадлежала прабабушке Эмме и прошла сквозь войны, разорения и революции. Уходя из отчего дома, я захватила ее в качестве части приданного. Мама, Мария Феликсовна, никогда не понимала дочкиной приверженности к старью и охотно рассталась с семейными реликвиями. Я набрала себе антикварное приданное, оно следовало за мной сквозь последние браки.

На обратной стороне конфетницы мы с Сергеем обнаружили вереницу цифр рядом с замысловатым узором. Правда, вскоре стало ясно, что то всего лишь фабричное клеймо, но идея уже проклюнулась. Вот если бы мы были на месте деда... Все-таки мы оба произошли из единого фамильного

корня и почти воочию увидели, как дед Феликс прикидывает варианты. Ему надо было сохранить в памяти и передать потомству заветный код, но так, чтобы никто не догадался. Дедуля вполне мог додуматься оставить заветные цифры рядом, чтобы они были под рукой, но не бросались в глаза посторонним.

Тогда любое имущество, оставшееся от деда Феликса, заслуживало нашего внимания. Нам надлежало составить полный перечень имеющихся предметов, далее предполагалось их заиметь хотя бы на время для изучения и сравнения. А по второму приезду кузен Сережа пообещал заняться тремя бывшими кавртирами. Адреса я достала без труда, просто прошлась по местам и списала то, чего не знала. Причем в одной из указанных квартир я провела часть своего незабвенного детства под эгидой бабули Глаши. Почти до самой своей смерти бабушка прожила в комнате той квартиры, куда привез ее дед Феликс.

Вообщем и прямо скажем, ко вторичному наезду кузена Сережи в Москву наши игры обрели некую реальность и почти не смущали. Так, разве что самую малость. Иногда мы прерывали деловые собеседования и ритуально посмеивались над ситуацией и над собой. Но антикварную лавочку активно собирали и пополняли, бывшие квартиры частично освоили, а к остальным усиленно искали ключи. С тем Сергей перебрался в столицу, когда тетя Эрика поспособствовала с покупкой нестандартной жилплощади, полностью одоб-

рив нашу деятельность. А мы оба даже привыкли.

И вот жизнь в родном городе вошла в колею: у меня обозначилась деятельность, она же сходила за развлечение, установился и дом, только теперь мы жили вдвоем с Микой, исполняя нехитрые дела по хозяйству. Финансовое обеспечение оставляло желать много лучшего, но не удручало, никакая личная жизнь даже не грезилась, соблазны напрочь отсутствовали. От мнимого ныне Миши-старшего, правда, досталось реальное наследство, его друг Юра, тоже художник и замечательный человек. Мы с Микой ходили в гости к Юре Грому пить чай и смотреть картины, Мике они очень нравились, в особенности те, где он не понимал, что нарисовано на холстах. Кроме того Юра иногда разрешал постоять с ним на Крымской набережной, когда он выставлял картины на продажу и включал в вернисаж Мишины этюды и наброски. Их осталось много, неподписанных и незавершенных. Юра ставил закорючку вместо подписи, и этюд шел в продажу. Сам Миша-старший постоянно обещал вернуться, но без особой уверенности, и ее становилось меньше с каждым уходящим месяцем.

Мой старинный друг Валентин, владелец агентства «Аргус», как-то очень таинственно отошел от дел. Вроде бы и не полностью, «Аргус» как бы находился под его патронажем и процветал, но друг Валя существовал от него отдельно, как дверь в комедии Фонвизина. Причем даже не в Москве, а в пригороде, как в период предшествующего существования –

в домике на овальном озере, заросшим кувшинками. В столицу Валентин наезжал с деловыми и инспекционными целями, весьма таинственно и нечасто. После переезда я видела друга Валью всего два раза, однако информации о его жизни и деятельности не получила от бывшего компаньона практически никакой.

Кроме самой печальной. Вальюша намекнул, что «Аргус» в моем содействии не нуждается, о деловом сотрудничестве лучше забыть, рассчитывать следовало лишь на дружеское внимание и семейное покровительство. Кого из них, Вали или «Аргуса» – я так толком и не уразумела. В довершение неприятных известий Валентин сообщил официально, хотя и неохотно, что вместо меня в его конторе утвердилась другая женщина на непонятных, но веских правах. По очень солидной рекомендации общего высокопоставленного друга и бывшего покровителя «Аргуса», Павла Петровича Криво-ручко. А он-то процветал при всех поворотах истории и становился все влиятельнее.

Кстати, очень давно и недолгое время Павел Петрович включался в мою личную жизнь, но строго формально. Волею обстоятельств, отчасти рукотворных, его занесло на роль моего очередного мужа, но то была чистая фикция для сиюминутной пользы дела. Хотя дружеские чувства между нами остались и упрочились, после того, как судьба подбросила нам в реальные супруги, Мишу и Аллу, тесно связанных с детства дружескими узами. Сложная донельзя полу-

чмлась история, но от нее ответвились добротные связи по типу дружбы домами.

Правда, следует сказать, что по приезде я получила привет от друга Паши лишь бесплотный и незримый, мы кратко пообщались по телефону, на том дружба домами иссякла. Наверное, оттого, что не хватало главного ингредиента. Миша-старший отсутствовал, а я интереса не представляла ни для Паши, ни, тем более для его супруги Аллы. Мы встречались в разных кругах, и у меня не было желания напоминать о себе богатым друзьям. Дружба смежила веки и задремала, пока в ней не было реальной необходимости, на то она и дружба. Как то повествуют все пословицы мира, друзья познаются в беде, во всяком случае тогда о них тут же вспоминают.

Глава вторая (№ 2)

(Читателей с предрассудками просят закрыть глаза, заткнуть уши и застыть в таком состоянии до лучших времен. Увы, если обойтись изящным иносказанием в попытке отделаться от неких обстоятельств, то остальное посыплется в беспорядке. Привет всем остальным...)

Утро стояло роскошное, практически летнее, солнце за кронами деревьев освещало ветви и листья, создавая впечатление шатра из зеленого шелка под пологом светло-синего свода небес. Легкий бриз в отсутствии морских просторов играл крупными зелеными волнами, сплетая и расплетая ветви. Природа обещала за окнами не только прелестный день, но и роскошное лето, последнее в этом тысячелетии. (Если я не запуталась в сотнях и тысячах.)

В незначительном отдалении площадка детского сада пребывала в покое. Мика с товарищами, надо понимать, осваивал завтрак или рисовал картинку для улучшения пищеварения. Появление детишек на воле обычно сопровождалось писком, напоминающим птичий базар.

Нерушимый покой оведал мои скромные занятия с творением Сцинтии вкупе с Сашей Кобальт(ом?). Парочка мудрецов и мои штудии шли по расписанию со скоростью 40 страниц в день, как положено уважающему себя редактору.

В описанное чудесное утро удалось освоить где-то девять с половиною страниц текста, пока меня не прервали на одном любопытном отрывке, чьем именно, я так и не докопалась.

«...Приготовьтесь к тому, что вами всегда будут недовольны, и вместо одобрения произведенных действий потребуют совершенно противоположного. Если вы любите читать, то значит – лентяйка, если посвятили себя дому и хозяйству, то безмозглая клуша. Если бросили смотреть за собой, то превратились в пугало, но если попробуете, то в голове у вас одни тряпки. Если требуете чего-то – то вы мегера, а если ничего не требуете, то вам на все наплевать. Но если вами долгое время довольны, то берегитесь – вас обманывают!»

На таком животрепещущем обрыве в бездны житейской мудрости произошла внезапная остановка. Сначала нервно зазвучал телефон, я поискала трубку, засунутую Микой под одеяло, но успела к четвертому сигналу.

– Катя, доброе утро, – выявился женский голос и сразу приступил к делу. – Вы располагаете временем?

– Простите? – ответила я, поскольку не распознала, кто так церемонно посягает на мое время.

– Катя, извините, это Алла, – повинилась собеседница, и все встало на свои места.

Моего телефонного общества добивалась нынешняя супруга Павла Петровича, дама давно и хорошо знакомая, но слегка подзабытая.

– Я бы хотела с вами увидеться, это возможно? – напори-

сто продолжила Алла.

– Когда именно? – спросила я суховаго.

Алла могла бы не гнать лошадей, а спросить для начала, как я поживаю.

– Мне было бы желательно прямо сейчас, – сделала заявку Алла. – У вас, через полчаса. Это возможно?

– Э-э... В принципе да, но... – слегка затормозилась я.

Следует признать, что по самым суетным причинам. Моя квартира находилась в жутком состоянии, а сама я сидела на кухне в грошовом халате.

– Если я не оторву вас, Катя, ни от чего срочного, – продиктовала просьбу Алла. – То я приеду через полчаса. У меня действительно крайняя необходимость.

– В таком случае, разумеется, – ответила я невразумительно, но в той манере, которой злоупотребляла Алла. – Вы знаете, как проехать?

– Разумеется, спасибо, – ответила Алла и добавила на прощанье. – Итак я выезжаю.

– Я жду вас, код – 117-50, – сказала я в опустевшую трубку и тут же отбросила ее в сторону.

Не буду скрывать, я сразу поняла, что понадобилась по делу, гадала только, по какому именно. Вернее, от чьего имени ко мне просилась Алла. От своего личного или с поручением от Павла Петровича. Размышляя на интересную тему, я тем временем пыталась привести свое жилище в цивилизный вид, и не мешало бы заняться собою по минимуму.

Сделать удалось немного, я перекинула Микины вещички из гостиной к нему в комнату, встала под душ и сразу вышла, в последние мгновенья накинула сельское платье в цветочек и без согласования с зеркалом заколола волосы в подобие причёски. И это все...

Я услышала, как у подъезда зарокотала машина, и через секунду домофон огласил прибытие высокой гостьи. Машина мигом отъехала, она увиделась бесконечно длинной, как катафалк кремового цвета. Это я не поленилась и выглянула в кухонное окно. Если катафалк белый, заключила я наско-ро, то Аллочка явилась от своего имени и без поручений от супруга. Его дела могли приехать лишь в черном лимузине.

Из кухни я метнулась в прихожую, увидела в глазок, как раздвинулись двери лифта, и распахнула дверь в свою очередь. Сквозь глазок почудилось видение из журнала «Вог», и на на пороге моего жилища оно предстало въявь. За прошедшие годы Алла, ныне супруга сановного лица, времени зря не теряла и довела до совершенства внешний вида и имидж.

Несколько лет назад она предстала передо мною в туманном сиянии утомленной красоты и в оправе из двух детишек с бездной домашних дел. Ко всему прочему Аллу угнетала тайна, которой она поделилась лишь со мной и Мишей. Точнее, Миша уговорил её поделиться со мной, хотя мы находились в разлуке.

Но и в тех условиях утончённая красота Аллы вкупе с изящными манерами разили наповал, руки зачесались при-

близиться к идеалу. Теперь он, а именно идеал, парил на недостижимых высотах, и грезить о каких-то приближениях стало просто нереально. Один жемчужно-серый костюмчик явно из Парижа клал конец праздным мечтаниям, не говоря о золотистом загаре и дорогом макияже, осеняющих породистое лицо Аллочки. Годы только прибавили изысканности, а также подчеркнули ошеломительную расцветку: темно-рыжие волосы, белейшая кожа и глаза цвета спелой сливы. Только зрачки расширились и губы чуть подрагивали – в настоящий момент идеал показывался в волнении чувств. Вот такая дама стояла на пороге моего скромного жилища, нервно улыбалась, бормотала приветствия и милые комплименты моему наряду в цветочек.

– Входите, Алла, извините, у меня неприбрано, – сказала я со всей возможной непринужденностью. – В гостиную или на кухню, как вам больше нравится. Костюм у вас, правда, не для моей кухни.

– Это вы, Катя, меня извините, – напомнила Алла, одернула рукав одеяния и сказала с ненавистью. – А вырядилась я просто на нервной почве, поняла в машине, а уж поздно было, не взыщите. Если можно, то сделайте нам кофе.

При таком обороте беседы кофе был сервирован на кухне и сварен на скорую руку без всякого изящества, вышла горькая и черная отравка из ужасной кастрюльки, но никому дела до него не оказалось. Обороты набрались сразу, пока кастрюлька булькала, а элегантная гостья усаживалась на та-

бурет эмалево-белого цвета с проплешинами. Кухня у меня в новом доме оборудоваться не успела, но приобрести загаженный вид успела вполне.

– Спасибо за хлопоты, Катя. Только вы можете мне помочь, хоть я не знаю, насколько захотите, – высказалась Алла без ненужных вступлений. – Передо мной сейчас два выхода из ужасной ситуации: развод или самоубийство. Третьего я не вижу.

– Но, Алла, расскажите по порядку, – отозвалась я. – Что одно, что другое – успеется всегда, а вот насчет третьего...

– Хорошо, я попробую, – Алла взялась за чашку с кофе, сморщилась и задала удивительно уместный вопрос. – Вам с Пашей спать случалось?

– Вообще-то нет, – ответила я с запинкой, отчего-то сильно стесняясь.

Хоть и значился Павел Петрович моим мужем несколько лет, хоть и делал он постоянно разного рода предложения, но всегда как-то не хотелось.

– Ой, какая же гадость! – вырвалось у Аллы. – Простите, Катя, это я не вам! Сейчас, минутку, где моя сумка?

Доставши с полубуфета свою изысканную сумочку, Алла извлекла оттуда квадратный черный флакончик. «С ядом, о, Боже!» – мелькнуло ужасное, но я вовремя прочла на этикетке надпись «Куантро», всего лишь ликер. Хотя и очень хороший. Алла открутила крышечку и приложилась к пузырьку основательным глотком, освоила дорогое лекарство

и неохотно объяснилась.

— Я вовсе не пристрастилась, это чтобы хоть как-то... Хотите, Катя? — предложила она. — Сорок пять градусов, не пахнет, иначе я не смогу рассказать, у меня есть еще.

Я согласилась отведать сладкого яда из другого флакончика (интересно, сколько она их носит с собой?) затем проделала ту же процедуру, что и Алла. Яд подействовал отлично, во рту обосновался действующий вулкан с привкусом апельсина и отчасти примирил меня с полным безобразием рассказа Аллы. Но не намного, очень уж велико было безобразие. Говорила Алла с премногими мучениями, я слушала с аналогичными чувствами.

Оказалось, а я всегда смутно догадывалась (интуиция давала сигналы), что интимная жизнь бывшего супруга Павла Петровича осложнялась многими комплексами и изысками. А именно, тривиальные занятия любовью даже с прекрасной, им самим избранной женщиной, манили друга Пашу недолго, весьма скоро ему потребовался допинг. Неопытность Аллы усугубляла проблему, первый муж оставил ее в почти в полном неведении в области секса.

Где-то через полгода после свадьбы Паша осторожно признался супруге, что ему хотелось бы разнообразить впечатления, далее он пояснил, что подобное желание в супружестве вполне приемлемо. Для начала в ход пошли эротические картинки с девушками и так называемое «софт порно». Алла принимала запросы мужа без восторга, но с по-

ниманием, к тому же друг Паша умел объяснить что угодно с наибольшей выгодой для себя. Даже последующий период «хард», то бишь «тяжелого» или «крутого порно», Аллу особо не смутил, она только приложила старания, чтобы подобная видеопродукция не попала на глаза ее мальчишкам. Они тогда проживали все вместе, ребята уехали учиться в Англию немного позже. Кассеты «крутого» содержания хранились под замком, в сейфе, в супружеской спальне.

Первую порцию признаний Аллы я освоила «без удивления и гнева» — сложен человек, «широк, не мешало бы сузить», как пожелал однажды Митя Карамазов (в известном романе Ф.Достоевского об одноименных братьях). Что касается мужа Аллы, то Павел Петрович всегда был весьма непрост, и трудно было предположить, что в интимной сфере он оказался невинным агнцем, то бишь барашком. Тем более, что данная сфера у него всегда была... Ну, скажем, вполне освоенной. Мне при первом знакомстве будущий друг Паша лихо признался, что собирает коллекцию. И со временем, надо полагать, дособирался. Ничто в природе не проходит бесследно, простые радости оказались утраченными.

Однако вслед за периодом «хард порно» в супружеском обиходе семейства Криворучко наступила очередь изысканного качества. Тут и начались наши с Аллой мучения. Она бледнела, краснела, глотала «Куантро», как валерьянку, курила тонкие сигареты и завязывала бычки узлом, но не могла признаться, каких дальнейших уступок для своей изощ-

ренности пожелал ее супруг Паша. Мне даже успело померещиться, что он уговорил Аллу участвовать в групповом развлечении, а теперь это вышло боком. Но нет, не совсем.

Паша оказался настолько непрост, что пожелал расширить круг участников действия, но не во плоти, а скорее, виртуально, еще точнее, визуально. Ему очень захотелось, чтобы прекрасная супруга Алла получила в секс-напарницы свое собственное фотоизображение. Нью... Своевременно был приобретен «Поляроид», Паша выказал большие способности к искусству фотографии, и супружеское развлечение пошло своим чередом. Одиночные и парные картинки стали собираться в артистическую коллекцию, каковая, разумеется, хранилась в сейфе и видела лишь полусвет супружеской спальни. Ничего особенного, между прочим, у каждого имеются личные фантазии, главное, чтобы все были довольны, и никому вреда не причинялось. Полагаю, так же думала Алла. Но до поры до времени.

Период «ничего особенного» хоть и длился довольно долго, но со временем исчерпался. Опять Аллочка стала запинаясь в скорбном рассказе, прибегала к сравнениям и умолчаниям, но все же с невыразимыми мучениями нашла должные краски и слова. Не удовлетвовавшись карточками жены в стиле «софт», дружок Паша уговорил супругу попозировать для картинок в стиле «хард». Для тех, кто имеет представление, объяснения излишни, а если нету его, то и не надо. Когда Алла узрела первый образчик продукции, ее чуть

не хватил удар, от чего супруг пришел в полный восторг и преисполнился таких чувств, что Алла не смогла изодрать в клочья скверное фото.

Но и это оказалось отнюдь не всей историей, то была «лиха беда начало», скромные цветочки, вплетенные в венок сановного супружества. Однажды проявленное малодушие повлекло за собой цепочку аналогичных «цветов зла». То бишь, коллекция невозможных картинок стала пополняться и дошла до степеней совершенно изощренных. К постоянному восторгу Павла Петровича, который не уставал восхвалять прогрессивные понятия супруги и глубину понимания его сложной натуры. И опять же букет с цветами изощренности украшал их супружескую спальню довольно долгое время. Алла почти привыкла и наивно полагала, что изысканность чувств дошла до естественного предела, и дальше следовать по этому пути некуда. Коллекция, как и встарь, хранилась в сейфе за семью засовами. Хотя ребята учились в Англии, приезжали только на каникулы, но в доме бытовала охрана и прислуга. Потому секреты держались под замком и во мраке сейфа. До сего дня. Точнее, до предыдущего.

Вчерашним утром, когда Алла разбирала свою почту, в конверте с приглашением на некое светское мероприятие она, не веря своим глазам, обнаружила одну из самых лихих фотографий. Без текста или иного разъяснения. Да и кому они могли понадобиться? Уже более ничего не стесняясь (но не энный ли черный пузырьек стал тому причиной?) Ал-

ла рывком распахнула сумку и вынула оттуда конверт, затем вытряхнула на кухонный стол упомянутое почтовое отправление. Бедняжка продержалась уже сутки и лишь поэтому смогла вывести меня из состояния нервного шока. Увидевши то, что ей прислали для ознакомления, я практически перестала дышать, а когда смогла, то обильно выразилась словами, которым позавидовал бы ломовой извозчик. Или Отче Валя в состоянии вдохновения.

– Я знаю, кто это сделал. Даже знаю, зачем, – объяснила Алла, когда ей удалось вернуть меня из бездны ярости и усадить за стол переговоров. – Шерше ля фам. Некая Варечка, «удивительная девочка, умненькая и женственная, у них теплые деловые отношения, есть, конечно, известная доля покровительства, а с ее стороны – почтительное восхищение, вполне невинное, она помолвлена, жених – милый, инфантильный мальчик». Вот такой треп имел место, как всегда, очень убедительно. Я ее видела, очень миленькая и неглупая. Больше некому.

– Вы уверены, Алла, что это не утечка из дома в шантажных целях? – мне удалось прийти в себя и даже запросить уточнений.

– Я абсолютно уверена, что Паша сам вынес, чтобы придать развлечению с девочкой особый вкус, это в его стиле, – деревянно огласила Алла. – А она попользовалась с умом. Понятно, что я никогда не смогу информировать Пашу. Ни за что на свете.

– Во-первых, всегда останутся сомнения, во-вторых, от брака не останется ничего, – резюмировал эксперт в моем лице. – Что ж, она действительно умная девочка, с большими способностями. Но что ей надо?

– Если нечто подобное попадет в руки моих детей, – продолжала Алла с деревянной настойчивостью. – То я брошусь с Крымского моста, потому что жить дальше просто не смогу. Они приезжают на каникулы через месяц, чуть меньше. Мальчишкам такого не понять.

– Значит, время у нас есть, – машинально отметила я. – Только вот для чего? Что можно сделать?

– С тем я и приехала, – проговорила Алла с облегчением. – О разводе я думала, для себя ничего лучшего не желаю. Но, видите ли, Катя, Паша помимо всего, очень хороший муж, я даже не очень его виню, хотя в данный момент думаю о нем не лучше, чем вы. Мне он омерзителен, но для мальчиков стал отцом – умным, авторитетным, уважаемым. Это очень много. О деньгах не говорю, он при разводе нас обеспечит. Однако, при грядущих выборах в Думу развод ему не нужен, это невыгодно, хватит одного развода с вами.

– На что она рассчитывает, эта девица? Зачем делать подобную гадость? – заинтересовалась я. – Ведь не просто так. Если это она...

– Я думала, – поведала Алла, и я поверила. – Вполне возможно, что она имела в виду те варианты, что пришли в голову мне и вам. Первое, что я потеряю голову от стыда и по-

бегу к Крымскому мосту.

– Почему именно туда? – спросило мое неуместное любопытство.

– Училась рядом, в Морисе Торезе, гуляли с девочками по мосту, делились идиотскими планами. Если обманет любовь – то вниз головой прямо оттуда, быстро, романтично и не больно, – обстоятельно ответила Алла.

– Да, там действительно высоко, – согласилась я.

– И не важно, на что она рассчитывала, – продолжала Алла. – Самое главное, что девица решила устранить меня любым способом, но непременно при моем содействии. Это письмо – первое предупреждение.

– И если вы не... То будет и второе, и третье, – подумала я вслух – Это как пить дать. Ее нужно остановить.

– Да, об этом я тоже подумала, – согласилась Алла. – Девица и впрямь очень способная. Я хочу включить Пашу, но чтобы включили вы, Катя. Он очень высокого мнения о вас.

Под конец беседы Алла ухитрилась удивить меня еще раз, вернее дважды, просто обе прощальные информации слились в одну и разделились много позже. Уже почти на выходе, связавшись с шофером при помощи сотовой трубки, Алла промолвила скороговоркой, не давая себя перебить.

– Катя, я понимаю, что самое лучшее бывает только бесплатно, но с другой стороны... Отчего вы должны вникать во всякие мерзости даром? Это несправедливо. Не возражайте, пожалуйста! Я спущусь, Эдик поднимется, с ним вы не

будете спорить, я думаю. К тому же, из дальних странствий с нашим милым Мишей вы наверняка вернулись налегке, а зимой здесь бывает холодно.

– Алла, это абсолютно невозможно, – заговорила я, но рот мне заткнули новой порцией информации.

– Кстати, девица Варечка служит у Паши в конторе, при хорошей должности. Извините, забыла о главном, – спохватилась Алла, стоя в дверях. – Именно она, Варя, патронирует фирмешку, которой владел ваш приятель Валя, так его, кажется, зовут? То есть она и для вас – другая женщина.

Что касается последней информации, то она обрушилась, как потолок на голову. Я рассеянно простилась с Аллой и потом не спорила с водителем Эдиком, просто приняла у него большой, но необычайно легкий сверток.

«Але, девушка!» – по-сельски запросто обратилась я к себе, закрывши дверь за чернявым кудрявым Эдиком. – «И куда же это мы с вами влипли?»

Глава третья (№ 3)

(Ее можно читать практически всем, поскольку щекотливая и непристойная ситуация осталась в предыдущей главе. Все дальнейшее – дело вполне житейское.)

К позднему вечеру пролетевшего дня я уложила Мику спать в компании с Винни-Пухом и Пятачком и только тогда смогла поразмыслить на ночь глядя, хотя день никуда не уходил, тянулся бесконечными нежно-серыми сумерками, похожими скорее на рассвет, чем на закат. Сначала зеркало, старинное, дедовское, выцарапанное у мамы с трудом, но без пользы дела, показало, что Алла оказалась права. Шубка из свертка, неуместная по текущему сезону, во всем остальном отлично ложилась на обстоятельства.

Осмотрев изделие со всех сторон, включая подкладку, я обнаружила множество неснятых ярлыков и сопроводительную записку от фирмы-изготовителя, там значилось, что шуба сшита из меха рыси. Никогда такого не видела, и даже не слышала о подобных предметах роскоши. Хорошая вещь была плачена за тяжелую неприятную работу – это я сообщила только после примерки бело-рыжего чуда природы и искусства, наверняка подобранного к натуральным цветам Аллы – значит, с личного плеча.

Из чувства сострадания я подрядилась явиться к бывше-

му мужу и сообщить, что он неправильно выбрал любовницу. О подобных подвигах милосердия даже не мечталось в те далекие времена, когда я консультировала по полдюжине обманутых жен в неделю. Таким образом обстоятельства вернули меня на утерянную стезю частного сыска и семейных консультаций практически без усилий с моей стороны. Клиенты сами пришли и позвали, еще и мех под ноги подбросили.

Однако на непредвиденной Алле с шубой визитеры в то утро отнюдь не кончились, увы вам, Сцинтия Белькрошечка с Сашею Кобальт(ом?)! После ухода Аллы день резво пошел в том же стиле бреда. Вскоре явился плановый посетитель, кузен Сережа, теперь в качестве полноправного столичного жителя.

За поздним завтраком, который мы разделили по-братски, Сергей предъявил оформленные бумаги на купленную жилплощадь в Москве, в документах я, кстати, числилась наследницей. Далее Сергей позвал меня официально вступить в мифические права, следовало ознакомиться с жильем воочию и показать себя соседям, чтобы успокоить их опасения. Это значило, что следующим днем мне приходилось делать два официальных визита вместо одного. Сначала к Паше, потом к кузену в новый дом, почти что с корабля на бал! Друг Паша любезно назначил аудиенцию на полдень в особняке на Ордынке. Просилась к нему на прием я при Алле, хотя и со своего аппарата.

После завтрака Сергей знакомил меня с плодами праведных трудов, стыдно сказать, с какими. Кузен принес форфоровую фигурку кивающего китайского мандарина, добытую для нас кузиной Ирочкой из дома тети Риты и дяди Славы. Сергей ухитрился разнять мандарина и склеить заново без видимых следов, но труд оказался тщетным, поскольку ничего не обнаружилось. Хотя Ирка заранее предупреждала, что безделушка взялась непонятно откуда, вполне вероятно, что из иных пластов истории. То был выстрел наугад, закономерного оказавшийся холостым.

Незадача с китайским болванчиком завершала антикварную серию, к текущему моменту вся декоративная часть убранства дедовской квартиры была освоена и не принесла ровно никаких результатов. Все, что поддавалось рассмотрению, было нами детально изучено, но не нашлось ничего, кроме редких фабричных цифр и невнятных закорючек. Если имел место какой-либо шифр, то он был закодирован для разумения намного выше нашего.

Плановая неудача с кивающим китайцем стала сигналом к началу падения духа и беспросветного уныния, а указанные состояния духа являлись для кузена Сергея основополагающими. Утешить его не могло ничто, пока скорби как-то не проходили сами собой. (Вот кому не позавидуешь, так его жене, если она когда-нибудь появится.)

Тем временем день стал клониться к закату, вскорости замаячило появление из садика мелкого Мики, лишь тогда

Сергей обнаружил первые признаки оживления. Надо сказать, что Мика действовал на кузена освежающе, поскольку при нем трудно было предаваться унынию, просто некогда. На сей раз Мика еще не появился, мы только за ним собрались, а Сергей взбодрился настолько, что поделился результатом личных расследований. Выяснилось, что кузен почти отыскал потомков эстонского дипломата, которому наши общие предки всучили Кексгольмские мануфактуры по сходной цене. Зачем Сергею или нам обоим сдались данные отдаленные потомки, я так и не поняла, но они были предпочтительней, чем тотальное уныние, посему я приветствовала идею, а об остальном молчала в тряпочку. Итак, у нас неизвестно зачем, но почти что в руках оказался внук покупателя, Ингвар Виломар. Потомок посла родился в ссылке в Вятке, в юности учился в МГУ на почвенном факультете, позднее женился на москвичке и временами наезжал в столицу. И вскорости являлась возможность с ним познакомиться лично.

В свою очередь, не дав Сергею опомниться, я доложила, что ему также предстоит познакомиться, но с дамой. Таков был мой вклад в стратегический план. Кроме закрытой серии с неоправдавшим себя антиквариатом, в плане имелись три квартиры, бывшая собственность семьи. В одной из них вполне мог таиться заветный знак, если хитроумный дед Феликс додумался начертать его на обоях. (Вот все равно стыдно!) Обои возникли фигурально, равно как и потолки со сте-

нами, но квартиры могли безусловно хранить следы владельцев. (Не ищите кладов, дамы и господа, и не будете чувствовать себя совершенными идиотами – ценный совет!)

Две квартиры я знала по адресам: гуляли в тех краях с мамой или тетей Ритой, они показывали, что здесь жила тетька Герта, а вон туда они ходили поиграть с кузенком Руди – тот был страшный грубиян, вспомнить противно! Третья из квартир была мне известна не понаслышке и не вприглядку. Она и была самой вероятной для обнаружения ключей от клада, поскольку до октября 17-того года принадлежала деду Феликсу, а после всем известных событий ему пришлось уплотниться. Однако дед сделал это своими силами, не дожидаясь планового вселения чекистов и дворников. Пригласил пожить под своей крышей две солидные семьи, доктора Эппельбаума и инженера Юнга с чадами и домочадцами. Когда же дед Феликс почил в Бозе, не дождавшись эвакуации на Запад, соседи достались в наследство бабушке Глаше и маме с тетей Ритой. Многолюдным сообществом они долго населяли квартиру, с ними я водила близкое знакомство, когда в детстве длительно гостила у бабули Глаши. Можно сказать, что почти выросла в их плотном окружении, в той самой квартире. Ее-то, кстати, числю родным домом и часто вижу во сне.

Понятно, что самое близкое из знакомств у меня водилось с внучкой доктора Эппельбаума, Элей Добровольской. Она была годом старше и жила на Чистых Прудах постоян-

но, пока ее родители не получили отдельную квартиру где-то у чертей на куличках, на престижном тогда Юго-Западе. Между тем старшие Эппельбаумы остались на насиженном месте и жили на Чистых Прудах, даже когда семейство инженера Юнга незаметно рассосалось. Юнги (так мы их звали между собой) тоже были неплохие люди, но очень замкнутые. И вот, по прошествии множества лет, когда не стало бабы Глаши, оказалось, что Эппельбаумы-Добровольские осуществили блистательный квартирный обмен. Умопомрачительно сложными операциями они сменяли жилые площади таким манером, что квартира моих предков оказалась полностью в их владении. На данный момент в бывшей нашей квартире на Чистых Прудах проживала Эля Добровольская с мамой Зиной и тетей Лялей. Они, кстати, выросли вместе с моими мамой и тетей, так что я полагала их частичными родственницами. Обе овдовевшие старушки сестры коротали лето на даче, а хозяйкой нужной квартиры оказывалась Эля Добровольская, приятная ученая девушка, кандидат наук с дальнейшими видами на докторскую степень. С ней я планировала познакомить кузена Сережу, в видах придать возобновлению общения с Элей какой-то смысл и целесообразность.

А то с чего бы это, скажите на милость, мне вздумалось объявляться в поле зрения Эли, проситься к ней в гости, и там пялиться на мебель и убранство? Еще рыться в ящиках и на полках со старинными фолиантами на разных языках. По-

сле смерти деда Феликса баба Глаша выбросила вон, а доктор Эппельбаум подобрал с ее позволения целую библиотеку. Подумал, что потомкам может пригодиться. Вот я и придумала, что кузен заинтересовался дедовскими книгами и желает их посмотреть. Эля ничуть не возражала против нашего целевого визита, ей самой любое наследство предков было до лампочки. Ознакомленный с информацией о квартире, Эле и книгах, кузен Сережа сопротивлялся бурно, но недолго. Я уловила, что именно эта квартира влечет его в особенности и даже незнакомая Эля Добровольская не станет помехой, «...черт с нею, если не очень уж противная девка...»

Две остальные квартиры у нас почти освоились, это получилось неожиданно просто, благодаря тайному таланту кузена Сергея. Никто не мог предположить (а я менее всего), что наряду со странными особенностями манер и характера, кузен Сережа обладает уникальным даром. Но дело обстояло именно так, он и раньше удивлял меня ловкостью рук, но когда открылся главный талант, то я просто онемела. Вооружившись обычными ножницами, флакончиком краски и белой бумагой, Сережа мог за недолгий вечер превратить любую заштатную комнатуху в настоящий чертог фей. Разумеется, если не соваться ему под руку с пожеланиями, а предоставить полную свободу творчества. Как это у него получалось, я не знаю, мастер неизменно гнал меня вон, но результат превосходил самое богатое воображение.

В начале весны Сергей в порыве вдохновения отделал

у нас детскую комнату в таком стиле, что все приходящие только ахали и охали. Проект назывался банально: «Четыре времени года», на каждой из стен изображался свой сезон. Особенно поражала зима. С темно-синего неба спускались резные снежинки всех размеров, из угла выдвигался фрагмент чудесной избушки со снежным сугробом на крыше, светилось розово-желтое окно с четко прорисованными филленчатыми рамами. Даже мне иногда хотелось попасть внутрь. Не говоря уже о мелком Мике, он мог любоваться часами, встраивал декорации в игры, страшно гордился своими картинками и водил гостей на экскурсии.

Увы, для меня Сергей стараться не стал, лишь изобразил на кухонном окне кружевную занавеску с фестончиками и отчего-то не мог смотреть на результат без омерзения. Был бы кузен Сергей другим человеком, то давно пустил бы талант в дело, и «новые русские» стояли в очереди на прием к декоратору. Но Сережа был самим собой, оттого уникальный дар оставался под спудом.

Однако, в две нужные квартиры мы проникли, используя зарытый талант кузена. (По основной профессии, кстати, Сергей числился учителем географии, просто не знаю, как он преподавал в школе, и почему дети не съели его с кашей, такие учителя живут недолго.)

«Не надобен ли декоратор? Почти задаром, мастер умирает с голоду, посмотрите на образчики...» – цыганские тексты, лихо произносимые мною, открыли Сергею дорогу

внутри двух квартир. И кое-что он там тягомотно мастерил, долго и с отвращением, заодно и поглядывал.

Однако к моей знакомой Элине Добровольской в бывшую родную квартиру прорваться таким образом было невозможно. Даже Сергей согласился с очевидным и склонился на светский визит к девушке Эле. Только поскрипел зубами, когда я предположила, что дальнейшее общение с хозяйкой он может осуществлять сам. Итак, визит к Эле Добровольской удачно запланировался на недалекое будущее. С ней у нас уже состоялся разговор, о чем я Сергею не сообщала из осторожности.

Уладивши все реальные и мнимые сложности, мы с кузенком вышли на волю, забрали Мику из сада и совершили прогулку по окрестностям, в рамках которой поужинали в «Русском бистро» к восторгу Мики и к явному неодобрению Сергея. Ему бы пришлось по душе патриархальные радости – ужин из трех блюд с домашними соленьями, компотом и хлопотами хозяйки вокруг стола. Далее мы проводили Сергея по зеленой дорожке до метро, а сами направились на стадион, поджидать большого собачьего сбора, к чему кузен Сережа отнюдь не стремился, поскольку собак он сызмальства опасался, ожидая от них коварства и агрессии.

На прощанье Сергей в сотый раз уточнил время и место завтрашнего сбора, заверил, что будет ждать у ограды и сдержанно попросил не опаздывать. Я пообещала, но заметила, что мой маршрут сложен, и неожиданности отнюдь не ис-

ключены. И как это случалось непременно, кузен Сергей удалился в унынии и досаде, иных способов прощания он не признавал, такова была натура. Если ему не удавалось обидеться, то Сергей просто терял покой и находился в смущении, пока не отыскивал способа отравить себе существование.

Так вот, в тишине и различных пустяках, настал вечер знаменательного дня, тихо и плавно уходил в вечность период безмятежного житья, но я о том не подозревала. Гуляла по стадиону в собачьей стае, укладывала мелкого в кроватку, читала ему книжку на ночь, затем меряла шубу и суетно вертелась в ней перед зеркалом.

Знать я не знала, ведать не ведала, что обернувшись в белоснежную шкуру с огненными пятнами, я развела огонь под ведьминым котлом, вследствие чего мой паровоз летит на всех парах прямым ходом к ужасающей катастрофе! Однако все по порядку...

Глава четвертая (№ 4)

(в которой все, что можно, свивается в тугую спираль, уходящую в бесконечность – к полнейшей моей досаде. Но ничего выкинуть нельзя. Или же, если откинуть правила и вкус, то можно обозначить содержание одним вульгарным словосочетанием, а именно – «Гроб с музыкой»)

Понутру мы с Микой проснулись с большим опозданием в детский садик. Будильник или, как ребенок говорит – «гу-дильник», не сработал, или мы его не заводили. Посему я совершила ритуал сбора мелкого в сад в большой спешке, чтобы избежать нареканий воспитательницы Инны Казимировны. Мика ее очень уважал, поэтому приходилось с ней считаться.

Свершивши затем утреннюю пробежку рысью по пустому стадиону, я вернулась домой, приняла душ и стала собирать мысли к предстоящему собеседованию с развратным, но влиятельным Павлом Петровичем. Наученная годами полезного опыта, я собирала духовные ресурсы не просто так, а в сочетании с процессом одевания, оно получалось успешнее, мысли приходили вместе с имиджем и уточнялись заодно с ним.

Я и ранее подозревала, а покидавши тряпки одну за другой, с досадою убедилась, что для целевого визита к бывше-

му супругу подходит одна лишь «гробовая змея». Такая у меня имелась форма одежды, костюм с сумочкой из элитного магазина, расположенного в богатом городе Цюрихе. Ансамбль сложился незаметным образом с активной помощью тетушки Марты. Старушка как-то раз свезла меня в Цюрих и затащила в солидный дорогой бутик, чтобы приодеть к возвращению на родную почву. В лавке на распродажной вешалке нашелся наряд для ранней осени и поздней весны, заявленный с большой скидкой, чему мы с тетушкой очень обрадовались. Она по природной немецкой бережливости, а я потому, что не хотела провоцировать конфликт бережливости и родственных чувств в душе у тети. Старушка и так проявила максимум гостеприимства и щедрости.

Обоюдная радость взмыла с такою силой, что мы обе не разглядели расцветку костюма, приняли за цвет маренго, то есть исчерна-серый. Далее к ансамблю «маренго» тетушка подобрала сумку по своему вкусу. Мы оплатили удачную покупку, вышли на улицу и даже не оглянулись. Очень зря... Потому что назывался магазин очень своеобразно, конкретно же – «Гроб». Понятно, что означено было латинскими буквами, но мне от того легче не стало. Это когда я при полном дневном свете любовалась сумкой и выявила красиво вытисненное слово «Гроб». Тетушку Марту я не стала смущать печальными знамениями, тем более, что ее русский язык позволил не заметить ляпсуса. Но это оказалось отнюдь не все. Развернув и примеряя костюм, я вскоре обнаружила

(кроме пришитого ярлыка с тем же «Гробом»), что расцветка оказалась сложнее, чем я полагала. На черном фоне явно проглядывался модный светло-змеиный узор. Комплект сложился и получил имя, так в моем гардеробе угнездилась «Гробовая змея». На самые серьезные случаи жизни, включая официоз и даже (не дай Бог!) похороны.

И вот в погожее летнее утро случай «Гробовой змеи» подошел вплотную, она вполне годилась, чтобы подчеркнуть серьезность моих намерений и ситуации в целом. «Шипя, между тем выползала...» ее далекая предшественница на встречу с вещим Олегом, причем непосредственной из «мертвой главы». Я, между прочим, собиралась сделать практически то же самое. Обвиваться черной лентой вокруг личной жизни бывшего мужа, причем без особых церемоний.

Расфрантившись в упомянутом стиле, я вышла из дому и сделала крюк, обошла детский сад стороной, чтобы не попасть на глаза Мике в имидже «гробовой змеи». Еще и юбка у неё оказалась непозволительно короткой. Потом в метро тяжкое впечатление сгладилось, но вновь возникло на Ордынке, когда я влекла означенный имидж по солнцепеку мимо приятных старинных особнячков.

Долго ли коротко я шествовала почти в трауре, но и «Самой нежной любви наступает конец, бесконечной тоски обрывается пряжа...», как шептал Вертинский в романсе, и я дошествовала до провала между домами, откуда отчетли-

во просмотрелись ворота Пашиного особняка. «Что мне делать с тобою? С собой наконец?» – в темпе докрутился Александр Вертинский и заглох на неактуальном третьем вопросе. – «Где тебя отыскать, дорогая пропажа?» Я вздохнула и тронулась исполнять обещанное, и как сильно мне не хотелось, знала одна лишь «Гр(ажданка) Змея» как особа, приближенная к телу!

Несмотря на смущение чувств, мы с нею приблизились к зданию особняка и стали как лист перед травой в виду плотно закрытой полированной двери. Посоветовавшись и оглядевшись, мы вздохнули и ткнули пальцем в надобную коробочку с кнопкой. И чем ближе к цели, тем более «змеино» я себя ощущала, невзирая на праздные мысли о женской солидарности. Из приклеенной к стене коробочки между тем раздался перезвон, а когда он отыгрался, искаженный голос спросил, кого сюда Бог принес и зачем. (Понятно, что иными словами.)

– К Павлу Петровичу Екатерина Малышева, – призналась я невидному собеседнику, но все равно уйти хотелось со страшной силой.

– Входите, открываю, – прошипел голос, и я ухитрилась признать, кто это со мной говорит. Интонация тут же припомнилась, и непонятная грусть овладела мною, скорее всего ностальгического характера.

– Давно вас не видела, уже и не ожидала, – сказала верно признанная тетенька, когда я вошла в открывшуюся дверь и

предстала перед нею при полном параде.

К большому стыду имя и отчество встречающей напрочь улетучивались из памяти раз за разом, вместо них вечно возникала неловкость. Тетенька с утерянным именем служила здесь испокон веков, наверное, наверное, еще до самого Паши или до его директорства. Я узрела ее впервые много лет тому назад, когда она, элегантная сухопарая дама зрелых лет, управляла делами и отдавала распоряжения персоналу. А ныне одно печальное «*sis transit gloria mundi*» приходило в голову, потом переводилось примерно так...

“Вот так прошла ее мирская слава”, – невольно думалось мне. – “Отчего же?”

Мало того, что дама без имени ныне практически служила привратницей, а не повелевала охраной, не место красит человека. Однако на новом незavidном месте “встречающая без имени” выглядела плачевным образом. Она, бедняжка, почти совсем угасла, потеряла цвет и звучность, съежилась, как растение, лишенное влаги, света и даже воздуха.

– И я рада вас видеть, – ответила я, по обыкновению избегая забытого имени. – Как тут дела? Павел Петрович, он здесь?

– Дела исполняются отлично, Павел Петрович предупредил о вас, – ответила тетенька со слабой долей прежней ядовитости. – А вы сегодня молодцом. Да, времена изменились. Дорогу помните?

– Да-да, разумеется, – подтвердила я, стараясь не позво-

лить сочувствию проникнуть в голос, то было бы оскорбительно.

– Ну и с Богом, – без приязни сказала дама и скрылась за конторкой.

Пораженная метаморфозой, стряшейся с хранительницей особняка, а в особенности ее напутствием, я проскочила подзабытые лестницы и коридоры, и только в мансарде, перед дверьми малого директорского кабинета, замедлила шаги и отдалась впечатлению. Нечто неуловимо зловещее померещилось в обнаруженных переменах. Однако мы с “Гробовой Змеей” попали на прием к властителю здешних мест не по своей воле, а по просьбе страдающей Аллы, и малодушие неуместно. Такое решение прошептала под руку цюрихская рептилия, неожиданно ставшая подмогой и утешением.

Двери медленно растворились, но не сами, я их легонько подтолкнула ногой, и передо мною открылась картинка помещения, которую я отлично помнила по прежним временам. Возник тесный кабинет с окном во всю стену, его заполнили светильники, панели и приборы, у стены оказался как и раньше, черный кожаный диван, а за столом спиною к свету обнаружился бывший супруг Паша Криворучко своею прежней незавидной персоной. В миг моего появления в дверях он чертил пальцем по экрану монитора и одновременно толковал в сотовую трубку, играя ею за ухом и иногда поднося к лицу.

Как повелось издавна, в первую секунду я опешила и

почти потеряла дыхание. Такова была обычная реакция на нестандартную внешность Павла Петровича. Рой нелестных ассоциаций забил фонтаном, на этот раз я решила, что друг Паша одновременно похож на истощенного дракона и на заезженную клячу молочника. Вот наградил же Господь внешностью!

Хозяин кабинета на мгновение оторвал глаза от монитора, изобразил радушную улыбку в мою сторону и указал трубкой на диван, не прерывая телефонно-компьютерной беседы. Я послушно присела на краешек и продолжала наблюдения, зная по опыту, что лучше скорее привыкнуть к чудовищному виду хозяина особняка и выкинуть лишние впечатления из головы. В процессе привыкания обнаружилось, что блеклые отрепья, отмеченные мною особо, превратились в костюм от Армани, впрочем, всегда им были. Просто все, надетое на Пашу, смотрелось так, словно недавно вынулось из мусорного бака, невзирая на любые дизайнерские фирмы.

Паша тем временем, нимало не смущаясь, игриво рокотал в трубку, продолжая истязать экран монитора пальцем, и вслед за движением на экранном поле возникали цветные загогулины. Я уловила там жирный багровый знак вопроса, а точка под ним основалась, как переспелая вишня. Однако же...

А когда зловещие иллюзии схлынули, я поняла, что Паша толкует в трубку конкретно обо мне и сыплет изощренными комплиментами в адрес полуденной гостьи.

– Нет, и не проси, не смогу. Когда перед глазами такое видение, уволь, Гриня. Представь себе, все мы, смертные, движемся по реке времен к старости, увяданию и могиле, а милая Катюша узнала секрет и плывет нам навстречу. К юности и неувядаемой прелести, прямо сквозь время, – такую лапшу Паша вешал на уши незримого собеседника, но потом исправил ошибку и шепнул имя, прикрыв ладонью трубку. – Гриша Хвостов, извини. Да, разумеется, очень скоро...

(Тот, кого Паша небрежно окликал Гриней, значился крупным банкиром с криминальной аурой в изысканиях масс-медиа. Демон финансов Григорий Хвостов – примерно так.) Еще пару минут Паша длил дружеское прощанье с демоном отечественного рынка, нахваливая красоту посетительницы, но потом одумался. Даже включив меня в беседу, Павел Петрович отлично знал, сколько можно держать просителя в приемной, чтобы тот знал свое место и ценил время хозяина.

– Ну еще раз прости меня, милая Катрин, – вздохнув, положил Паша и отключил трубку. – Я рад тебя видеть, отлично выглядишь.

– Ты – тоже. Я рада тебя видеть и слышать, особенно без Хвостова, – я освоилась, даже мрачные впечатления из холла куда-то делись. – Надеюсь он не обиделся.

– Куда ему, Гриша парень простой, – отмахнулся Павел Петрович, затем сообразил, что может попользоваться демоном финансов в своих целях. – А хочешь, я тебя с ним по-

знакомлю? Вот возьмем и устроим деловой ланч. Он в глаза не видел таких женщин.

– А мне он зачем? – искренне удивилась я. – Что у него есть, у твоего Гриши, кроме немеренных неучтенных денег?

– Ну, если они тебя не волнуют, я очень завидую, – вновь вздохнул Паша. – Тогда, разумеется, Гриша нам не нужен. И я слушаю тебя со всем вниманием.

(Стервец он все же, мой бывший супруг! С какой небрежной элегантностью напомнил, что я пришла о чем-то просить, и он надеется, что не денег!)

– Ты, разумеется, прав, как всегда, – мы с подружкой Г.З.меей. решили тоже начать с комплимента. – Я к тебе не просто так, а по твоему делу. Увы нам обоим, дело довольно каверзное.

– Ох, нет Катрин, не огорчай меня! – бодро прикинулся Паша. – Я этого не вынесу. Когда уверяют, что имеют в виду мои интересы, то это неизменно настораживает. От кого угодно я ждал, но не от тебя, уволь!

– Тогда придется тебя разочаровать, – я впала в фальшивую грусть. – Вчера у меня была Алла.

– Теперь я понял, извини меня, Катрин! – ответил Паша, несколько не удивившись. – Прости старого идиота, мне-то подумалось...

– Нет, это я прошу прощения, что ворвалась с твоими делами, – смягчилась я. – В высшей степени непристойное занятие, ты прав.

– Катрин, чуточку милосердия! – взмолился Павел Петрович. – Не усугубляй. Я уже осознал. Если ты пришла сюда, в контору и упомянула Аллочку – то я простерт в пыли и виновен кругом! Если возникло нечто, о чем Алла не может сказать дома, а я не заметил! Это ужасно, милые девочки, и я не знаю, чем загладить вину.

– Просто послушай, – вкрадчиво попросила я, чувствуя почти реально, как заносу над бесценною для отечества головою Паши увесистый тупой предмет, может быть даже и не очень тупой. – Начну я, как положено, с хорошего. Алла считает тебя идеальным мужем, прекрасным отцом, и лучшего не желает. Однако, недавно Алла заметила, что в твоём сердце нашлось место для одной юной особы. Однако, при всем понимании ситуации Аллочка не готова ее удочерить, ей это было бы сложно. Девочка, как я слышала, очень способная и достойная всяческих похвал...

– Да, девочки, вы целиком правы, – машинально произнес Павел Петрович и механически потер темя, как будто удар тупым предметом все же состоялся. – Такие ветви оливы приносит и раздаёт по заслугам лишь ангел мира. Ты в своей лучшей роли, бесценная Катрин! И я целиком повергнут в прах, в особенности проявленным тактом. Но не будем об этом, я понял.

– В таком случае позволь откланяться, – начала я с надеждой свернуть беседу, хотя и была собою очень недовольна. Не смогла обозначить важный момент, а именно, что друг

Паша не просто забылся на старости лет, а выбрал в объект забытья юную особу, способную на все. И что неплохо бы к ней слегка присмотреться, причём в своих же интересах. Но не сказалось.

– Знаешь, Катрин, тогда и я кое о чем попрошу, – сказал Паша задумчиво. – Не в службу, разумеется, а в дружбу, побудь ангелом мира еще чуть-чуть. Принеси Аллочке не мой, а свой ответ. Я на тебя целиком полагаюсь, раз ты так бесконечно любезна. Сейчас я представлю тебя объекту опасений, побудь с нею немного, удели драгоценное время, затем поделись наблюдениями, с кем сочтешь нужным. У меня нет сомнений, что ты...

Паша не закончил мысли, а стал нажимать разные кнопки, не дожидаясь моего согласия, затем спросил вполголоса о Варваре Вадимовне и выслушал ответ. Нам же с подружкой цюрихской змеей было полностью поделом! Мы получили то, на что напросились! Присмотреться к юной особе Павел Петрович поручил лично мне, причем обозначил, что позитивное мнение следует нести Алле, а негативное он выслушает сам. К тому же до составления мнений с объектом слежки следует подружиться для непринужденности. Ай да Паша! Все у него просто и элегантно: раз принесла в клюве донос – сама и проверь, потом отчитайся. Милая голубка с веткой оливы в клювике! Вот тогда я уразумела, отчего сильно не хотелось сюда идти, отчего медлила на пороге, всеу поминая змею с её мудростью. У меня таковой не оказалось.

Никогда ранее я не получала заданий от Павла Петровича напрямую и поняла, отчего в подобных случаях бывший компаньон Валя бесился и извергал фонтаны изощренных проклятий. Вольно ж мне было соваться к волку в зубы по собственной инициативе. Какие-то долгие минуты мы просидели с Павлом Петровичем сам друг в удручении безмолвия, но, по всей видимости, очень уж мрачные мысли бродили по моему челу, и Паша их досконально изучил.

– А вообще, Катрин, – заявил он с прежнею своей улыбкой благосклонного дракона. – Какая все-таки мерзость эта ваша заливная рыба, не так ли? И говорил нам Кьеркегор дельную вещь: женись, не женись – все равно пожалеешь! Но сделай для меня, а? Кстати, тебе парня есть с кем бросить на неделю? Тут созданся призовой фонд, заодно погуляешь на воле, хорошо?

– Я как-то не очень, – смутилась я, не совсем соображая, сочувствует ли Паша в грядущих трудах неправедных, либо предлагает форму оплаты сложной натурой.

– В городок такой, в Венецию хочешь сгонять? – нарочито по-простецки Паша внес неотразимое предложение. – Заодно ревизором побудешь, инспектором инкогнито. При полном пансионе, разумеется.

– Не поняла, – призналась я. Выразался Паша совсем, как Отче Валентин, что сулило просвет в скорбях, но почему – непонятно.

– Понимать нечего, надо просто звякнуть Грише, – пообещала.

щал Павел Петрович и продолжил объяснения, тем временем включая аппараты связи. – Он надумал купить пансионат на море... Да, радуйся Гриня, я нашел – есть вторая кандидатура. Но их надо проверить, могут обуть бедного Гришу скверные итальянцы, поэтому в отельчик надо съездить присмотреться... Представь себе, старичок, меня осенило – конечно, именно та девушка, так что будешь делать, как для меня... Поедешь на море, как богатая туристка, наблюдения подробно изложишь, какие у них условия и проблемы – вот и вся работа. Соединяй свою канцелярию с моей, поедет Малышева Екатерина Дмитриевна. Пришлешь ей с курьером, и за паспортом тоже пусть приедут. Варя имеет бумаги на руках, Катя выезжает следом, да, гаремчик у меня не слабый, Гриня, надо знать места... Ну как тебе?

– Почти поняла, – ответила я. – Мне надлежит глянуть на отель и присмотреться к девочке. Сложно, но отчасти забавно. Она не будет возражать?

– Вот это мы у нее спросим, – развеселился Паша. – Пошли знакомиться, я предвкушаю от процедуры много приятного.

Глава пятая (№ 5)

(в которой спираль событий скручивается вдвое и завязывается узлом, он почти не виден, это очень зря. Но грядущие виды прекрасной Венеции затмевают все кругом.)

Девушка сидела на стремянке на фоне сплошных книжных полок, первыми бросались в глаза длинные загорелые ноги, а по бокам, как занавес, спускалась юбка с разрезом. Зрелище получалось завидное, впечатляло со всех сторон, даже с научной, поскольку девица изучала большую книгу и даже не заметила, что в библиотеку вошли и ею любят.

Кстати, вполне было чем, хотя и без форс-мажора. В каштаново-карих тонах натуры, в мрачно-модных одеяниях все было подобрано удачно и со вкусом. Венцом впечатления виделись модные желтые очки в черной оправе, сидящие, как диадема на хорошо подстриженных выющихся волосах. Годков девице было эдак 20–22, как я определила в прикидку.

Пока ничего страшного не обнаружилось, но я вовремя себя одернула – надо смотреть и смотреть. Одно то, что Паша повел меня к девушке, а не позвал ее в кабинет, говорило о многом. К тому же лицо руководителя проекта светилось не совсем приличным торжеством, будто попал друг Паша на армрестлинг или на петушиные бои. Тьфу на него!

– Хеллоу, Варвара Вадимовна! – наконец хозяин дома на-

рушил безмолвие, а Варвара оторвалась от книги. – Мы к вам с приятными вестями. Знакомьтесь с Екатериной Дмитриевной, прошу любить и жаловать. Вы теперь напарницы по проверке хвостовского отеля, ансамбль сложился.

– Мне очень приятно, – сказала Варвара приятным голосом и даже с чувством. – Вдвоем с Екатериной Дмитриевной мы безусловно справимся.

– Я уверен, что вдвоем вы справитесь с чем угодно, – заверил директор неуловимо хамским тоном. – И еще одна приятная новость. Варвара Вадимовна, вы с этого момента свободны, задание снято, можете праздновать отгул в компании Екатерины Дмитриевны. Пообедайте, познакомьтесь поближе, можете посплетничать обо мне. Что скажет Катрин – то будет святая правда. А теперь я вас покину.

С этими словами друг Паша попятился спиной к дверям и мигом исчез из пустой библиотечной комнаты, оставив нас наслаждаться обществом друг дружки. Варечка лучезарно улыбнулась и спустилась со стремянки на пол, фигурка у нее оказалась очень недурная. Весь ансамбль указывал на очень большие притязания. Передо мною в свете двух окон скромно стояла и молчала не знойная красотка, увы, не девушка-вамп, гораздо хуже того. Мягкая, обаятельная, знающая себе цену взрослая девушка. Тёмные глаза с белыми томными веками смотрели на меня прямо и ласково, даже с преданностью, оставшейся от взора на Павла Петровича.

Случай оказался не просто тяжелым, он был, боюсь что

непоправимым, столь умелая женственность бьет сильнее и дальше, чем тяжелая артиллерия. Такая милейшая особа вполне способна послать мерзкую карточку сопернице и очаровательно улыбнуться. Все равно никто не поверит. Даже если она умыкнет дюжину серебряных ложек в гостях на глазах у всех, то и тогда не поверят!

Обменявшись парой дежурных фраз о приятности знакомства, мы с Варей попудрили в комнате отдыха, выкурили по сигарете, перешли на имена без отчеств и, болтая о дамских пустяках, стали спускаться вниз, в надежде покинуть особняк. Варя мило созналась по дороге, что с утра директор ее тиранил, не отпускал даже на полчаса по неотложному делу, а я ее просто спасла. Оказавшись в холле, мы заскользили по мраморному полу к выходу, когда Варя вдруг заметила, что ей нужна минутка, она сейчас вернется, только переговорит у стойки.

Я медлила у выхода, между тем моя спутница свернула к стойке в темном углу, за которой скрывалась дама с так и не возникшим именем и отчеством. Разумеется, я не могла слышать, что именно вещала Варя, долетали лишь невнятные звуки, но я видела лицо бедной тетеньки. Она часто кивала в знак согласия, чуть скорее, чем это было необходимо. Под конец Варя взяла со стойки телефонную трубку и сказала туда пару слов. Выражение лица у девушки при том сменилось механически, из небрежного и властного стало милым и приятным.

“Боже, помоги Алле!” – думала я тем временем. – “Даже для друга Паши, пожалуй, будет многовато, хотя... Нам с ним – точно поделом!” Однако долго мрачная сцена не продлилась, Варечка в темпе разделалась с привратницей, и мы вдвоем выпорхнули на знойную Ордынку. На улице выяснилось, что пока я осваивала уютный особняк, весна успела смениться самым настоящим летом, стало тепло до томности.

– Куда мы теперь? – спросила Варечка с такою охотой, будто ей встретилась родная душа в чуждом мире.

– Мне вообще-то надо на Остоженку, но чуть позже, – призналась я.

До оговоренного визита к кузену Сергею оставалось около часу времени, можно было уютно посидеть с милой девушкой Варей и успеть вовремя.

– Как отлично совпало, мне тоже в те края, – обрадовалась Варечка. – Не хотите ли зайти со мною в одно место, потом мы с вами поедим на воздухе.

– Пожалуй, если уложимся в час, – согласилась я с легкостью, меня все пока устраивало.

Мы ехали, пересаживались, вновь ехали, перекидывались редкими словами и уступали друг дружке дорогу и места. Беседовать с девушкой Варей было легко и приятно, ее обаяние действовало почти обольстительно, но я напоминала себе, что девушке я нужна по делу, ей велели. И не стоит забывать о главном, если я промахнусь, то Алла может прыгнуть

с Крымского моста. Когда ее мальчикам попадется в руки картинка, подобная присланной.

Варечка могла быть сколь угодно приятной, но это не исключало возможности, что мерзкое фото выслала именно она в самых неприглядных целях. Я с усилием вызвала из тёмного угла памяти шокирующее фото и наложила на сиюминутные впечатления о милейшей девице рядом. Картинка мелькнула на прощание во тьме туннеля, затем пропала, и поезд вывез нас с Варей на перрон станции “Парк культуры”. Перед нами выросли колонны и лестницы радиальной ветки.

Но двинулись мы по предложению Варечки (да и кузен Сережа напоминал о том же,) к побочному выходу со станции, где обозначился бассейн “Чайка”. На выходе со стенного панно нас встретил портрет Максима Горького с каменными рогами на голове, так его изобразил мастер мозаики в свое время. По этому случаю классик соцреализма имел неувовимо демонический вид.

Невзрачный купол станции остался позади, когда я завертела головой пытаюсь сообразить, как мне вернуться в Турчанинов переулок, указанный Сергеем накануне. Пока видела лишь бассейн “Чайка”, но мы его скоро миновали.

– Я вас мигом доставлю обратно, я тут все знаю, – нежно заверила спутница. – Практически у себя дома. Катя, можно задать вам вопрос? Вы и вправду были замужем за директором, или это сплетни?

– Вы знаете, Варя, нам с вашим директором очень повез-

ло, — сказала я после паузы. — Оба вовремя поняли, что нам лучше быть друзьями.

— Он, Павел Петрович, всегда приводил вас в пример, — поделилась Варечка. — Как свой идеал женщины. Подчеркивал, что вы абсолютно очаровательная и без малейшей хитрости...

— Ой, Варя, извините, это скучная тема, — я оборвала поток лести, а то Варя увлеклась. — В такой прелестный день, и о браке! Не будем.

Девушка уловила с полуслова, и небольшой отрезок пути по Остоженке мы проследовали почти молча, любясь красотою оживленного городского пейзажа. Безмолвие нарушилось само собой лишь когда мы миновали нереально роскошное, едва законченное здание, означенное на вывеске, как “Дом оперного искусства”. Вернее будет сказать, что целый жилой комплекс смотрелся за фигурным забором, как воплощенная мечта, вычурная декорация к опере о красивой жизни избранных счастливых.

— Вот когда у меня будут деньги, — мечтательно произнесла Варечка. — То я обязательно куплю вон ту мансарду, но с другой стороны дома, и буду вечерами любоваться на реку.

— Оно было бы недурно, — охотно согласилась я. — Только с видом на реку не станет ли сыровато вечерами?

Варечка не стала доказывать преимуществ вида на реку, и вскоре возобновился легкий обмен пустячными мнениями, при котором мы дошли до нужного поворота в узкий пере-

улок, спускавшийся прямо к реке. В просвете домов появился новейший памятник Петру, он смотрелся как ценное добавление к виду на реку, однако в сюрреалистическом ключе.

– Вот мы и пришли, сейчас зайдём на минутку к профессору, – пообещала Варечка. – Он мой родственник, я скажу пару слов, вы ему должны понравиться. Потом пойдем обедать в Ирландский бар, вы согласны?

Я одобрила сложную программу без возражений. Что родич-профессор, что Ирландский бар – меня устраивало все. Только бы не опоздать к кузену Сереже, заболтавшись с Варечкой и ее профессором неведомых наук, думала я следуя за Варей по жаре вниз по переулку, мимо разрытого котлована, затем вдоль газона за забором. Чуть ниже посреди газона выявился за купами деревьев внушительного вида особняк в три этажа. Дом стоял в переулке слегка наособицу, его окна и двери выходили не на проезжую часть, а на газон. Тем временем на заборе, скорее, даже над ним, возникла вывеска, предупреждение для особо наивных визитеров, особняк оказался “Клиникой неврологических состояний для детей”. Даже отчасти впадшая в детство гостя слегка насторожились, неврологические состояния смотрелись очень уж угрюмо.

«Ах, вот он какой будет, профессор у Варечки!» – мрачно подумалось мне. – «Шарлатан и чернокнижник, не иначе...» Не знаю почему, но предубеждение сложилось сразу, не успели мы войти в калитку и ступить на песчаную дорожку.

ку, что вела через газон и указывала на дверь особняка. Идти в особняк явственно не захотелось, такое нашло состояние. И если бы не Варечка, только бы меня там и видели! Но отказываться входить к профессору в клинику без веской причины было отчаянно неудобно, и это меня держало крепче любых веревок, вернее, я плелась за Варей, как коза на веревке. (Так любила выражаться бабушка Глаша.)

Тогда мне было невдомек, что настал судьбоносный момент для целой кучи народа, я поколебалась, но вошла в клинику как мышь в западню. Острый, всепроникающий запах дезинфекции подействовал почти успокоительно, и я двинулась за Варечкой по старым, обшарпанным, но чистеньким коридорам. Обыкновеннейшая передо мною мелькала детская поликлиника, тот же вид и пронзительный аромат. Кое-где сидели страждущие, но в целом клиника казалась почти безлюдной и гулкой.

Варя уверенно довела нас до высокой белой двери, в конце коридора, стукнула и заглянула, не дожидаясь ответа. Я стояла позади нее, и мельком увидела белые халаты на фоне окна, потом услышала, как кто-то отозвался приятным баритоном.

– Возьми ключи и поди в залу, – голос шел от белого халата у окна. – Там и располагайся, а я досовещаюсь, подожди.

Варечка проговорила какую-то речь в ответ, мы с ней дружно повернули и вновь пошли по коридорам, пока не уперлись еще в одну дверь, на сей раз двустворчатую. Стран-

но подействовала на меня эта клиника, сугубо непонятное навеяла состояние. (Описывать его трудно, но я сделаю, что смогу.)

Зала была двусветной, окна шли по сходящимся стенам, а на газон выходили витражные стекла со сложным узором. Освещение получалось необычным и казалось отчасти искусственным, лучи солнца пронизывали цветные стекла с излишней интенсивностью. «Как на сцене, энное действие, акт первый», – подумалось с небывалой отчетливостью, и стало понятно, что этот момент я запомню надолго.

Вот я и дошла до самого сложного, до личных смешанных впечатлений. Мало того, что они почти не воспроизводятся, к тому же теперь я в курсе, какую роль сыграла краткая встреча с профессором, что сбивает меня дополнительно и бесповоротно. Я могу поклясться, что действие происходило наяву, но ощущения поплыли как во сне, когда знаешь, что спишь, но очень скоро проснешься, даже рассвет угадывается за незримыми окнами.

Глава шестая (№ 6)

(в которой «тень кучера погоняет тенью хлыста тень лошади» – и все это происходит на заднике обширного экрана. Или же, как смело утверждал поэт-классик, со мною происходил “электрический сон наяву”, только без электричества. Но что-то подобное безусловно имело место...)

До появления профессора мы с девицей Варечкой проводили время довольно невнятно, она знала эту залу наизусть, поэтому сидела у стола заседаний, а я изучала помещение и пристраивалась сидеть на стульях, сцепленных между собой рядами. Но везде оказывалось неудобно, посему я только и делала, что пересаживалась, потом вновь ходила по зале зигзагами. Далее по ходу блужданий я заметила в углу печку с изразцами, попробовала обойти ее кругом, но уперлась в стену. Вспоминать прямо-таки стыдно, я бродила как тень во сне, не зная, куда себя девать.

Тем временем Варечка нежно улыбалась мне из другого угла, словно дебильное поведение гостьи было задано или предусмотрено заранее. В сновидениях такое частенько случается, а наяву со мной вышло впервые, видит Бог. Как раз в разгаре блужданий по зале в дверях возник некто в белом, и Варечка стала меня представлять дяде, профессору Кузьмицкому как свою напарницу по командировке в Венецию.

И вообще просила обратить внимание, какую очаровательную женщину она привела к нему в гости.

Дядя в белом халате заверил, что более, чем счастлив познакомиться, но тут же извинился и испросил минуту, поскольку им с Варей надо перемолвиться буквально двумя словами. Я послушно уселась на первый ряд стульев и оттуда наблюдала, как Варя и профессор сели у печки и завели беседу вполголоса. Слышать я ничего не слышала, зато смотрела на профессора во все глаза.

Он поминутно менял облик: то выглядел солидным и внушительным, то изможденным и худым, то неуловимым и почти расплывчатым. Хотя я могу ошибаться, накладывая на образ профессора эффекты сложного освещения, в особенности, вспоминая задним числом. Одну лишь деталь неверного облика профессора Кузьмицкого я запомнила с исключительной точностью: из-под нависшей глыбы лба внимательно смотрели зоркие глаза-буравчики. А выдающийся лоб сходил над ними странным заметным углом.

Но наблюдать довелось недолго, свет в зале внезапно померк, наверное, нашла туча, а я странным образом оказалась снаружи старинного особняка, шла вдоль ограды в намерении ступить на газон. ...И вообще, то оказался темный вечер, ветер гнул до земли невидимые высокие травы, они шелестели вокруг меня, словно исполняя мелодию на экзотических инструментах. Неслись по небу быстрые короткие тучи, в разрывах тьмы появлялась и скрывалась луна, а памятник Петру

за моей спиной пронзительно освещался мертвенным бледным светом. Я тем временем торопилась добраться до дверей особняка-клиники, но никак не удавалось. Какой-то бесконечный газон распростерся во тьме, однако следовало его миновать, потому что в дверях особняка ждал профессор. Он стоял в белеющем распахнутом халате, манил и подзывал к себе жестами обеих рук. Следовало сообщить ему нечто важное, главное – успеть!

Нежданно скоро темный газон подошел к концу, я оказалась у дверного проема, шагнула в к белой фигуре, но она вдруг отдалилась и исчезла. Тут же передо мной заияла чернота в провале, дверь тоже куда-то делась. Шагнуть внутрь я не успела, только оглянулась – вечер все длился. Но тут же почти без перерыва занялся день. Слишком яркие цветные лучи просочились сквозь окна и закрытые веки, далее непосредственно... Глаза открылись сами собой. Фигура в белом, как сидела у печки, так никуда и не двинулась, а у меня отложилась в памяти фраза: «Вечером непременно сюда приду. Надо прийти...» И запомнилась с особой настоятельностью.

Сон внезапно сдвинулся, я поняла, что тот профессор снился, а этот сидит в зале. И ничего мне не надо! Профессор с Варечкой продлили собеседование еще пару минут, не дольше, потом разрознились, плотно обсели меня по бокам и стали извиняться.

– А вот сейчас моего чайку! – радушно предложил профессор Глеб Кузьмицкий. – Мигом сделаем и опробуем на

Кате. Варюша после него бодрая, как птичка-малиновка. А то мы бедную Катю вконец утомили.

Варюша закивала головой в полнейшем согласии с дядей, и мне пришлось согласиться на чаек, чтобы никого не обидеть. Одно было ясно, сон мне привиделся не простой, а вещий, навелся точно, но прошел по краешку. Я уловила сообщение почти наяву, а не во тьме подсознания. Ошибка вышла у дядюшки Глеба, профессора-магнетизера. Хотя усыпил он гостью лихо, ничего не скажешь.

Чай и вправду оказался ничего себе, со свежим привкусом, хозяева дружно уговорили меня на вторую чашку. Тем временем Варечка докладывала дяде, кой черт нас несет вдвоем в местечко подле Венеции, и по какому именно каверзному делу мы собрались посетить отель на берегу Адриатического моря. Я слушала в некотором забытии, старательно вникала в детали будущего предприятия, даже вносила свои реплики в беседу и чувствовала себя неплохо, пока не обнаружила, глянув на часы, что кузен Сережа давно ждет меня у ограды. Минут двадцать прошло после положенного срока, а я ведь старалась следить за временем.

Пришлось прервать чаепитие и запросить извинений. И конечно же, Варечка любезно напомнила, что обещала проводить меня насквозь, тогда мы обойдемся буквально парой минут. Дядя-профессор Кузьмицкий неохотно согласился с нами расстаться, но проводил до входных дверей и в точности оказался на том месте, где я потеряла его в сновидении.

Только мы с Варечкой собирались удалиться, а вовсе не приблизиться.

На прощанье дядя Глеб пообещал помочь, если у меня возникнут проблемы с ребенком, «а то для чего же нужны друзья»? И пока мы с Варей одолевали газон под палящим солнцем, я никак не могла вспомнить, когда и кто говорил, что ребенок имеется в наличии. Сама я вроде не упоминала ничего подобного. Так и не припомнила, к большой досаде на себя.

По узкому тротуару мы пошли напрямик вниз, Варечка щебетала о венецианской Ривьере, я слушала одним ухом, а второе оставалось открытым для внутренних сообщений – в них стало проклеиваться невнятное содержание. Глаза тем временем следили за иллюзорными эволюциями речного монумента. Гигантский Петр при мачте, сначала грузно паривший над переулком, по мере нашего спуска исчезал за крышами домов, затем осталась одна черная рука, застывшая в прощальном приветствии, под конец и она затонула вместе с обломком мачты.

«Странное все-таки впечатление сложилось», – думалось тяжело и с напряжением. – «Профессор и от племянницы Вари что-то скрывает, мы обе сидели у него как подопытные птички-малиновки, щебетали, а он смотрел и слушал.» Тут вовремя подоспела Варечка, не дала досовещаться с собой и повлекла в подворотню, вернее, под арку старого дома, незаметно выросшего на нашем пути.

– Так будет быстрее, – объяснила девушка. – Сейчас пройдем насквозь и прямо к реке. Нет, не эта арка, следующая.

И действительно, прямо вплотную зазияла грязным провалом другая арка, будто мы сходу вошли в Средние века, в одной из толстых стен даже оказалось узкое окошко на уровне второго этажа. Очень запыленное и почти слепое. Мы миновали темный проход под аркой и вышли во дворик, разгороженный зубчатой кирпичной стеной. Над ней в стиле бреда возвышался странный обломок жилого дома, одна комната под крышей стояла над стеной отдельно.

Варя бросила небрежный взгляд на нелепое сооружение, но я машинально отметила, куда она посмотрела. (Знать бы мне что там кроется! Но если бы я знала хоть что-то или даже отдаленно догадывалась, то история вышла бы у нас иная. Вернее, не вышло бы никакой, но неясно...)

Далее мы проскочили кучу тесных двориков и уютных старых домов, вышли на набережную и долго брели по ней, к моей возрастающей досаде. Я с каждой минутой сознавала, что опоздала к кузену Сергею совершенно непростительно. И почему-то страшно злилась на Варечку, казалось, что она уводит меня от цели, сначала намеренно задержавши у подозрительного дяди. Специально, чтобы я опоздала еще больше. Неприятное душевное состояние не покидало меня, пока девушка не свернула с набережной и не указала на вход в узкий провал между домами.

– Вот он, Турчанинов переулок, – произнесла Варечка, до

переулкa она молчала, чувствуя мою досаду и нетерпение.

— Это? — без всякой вежливости удивилась я. — Это здесь?

— Ну, конечно, сейчас будет церковь, а перед нею, вот, — толковала Варечка, но тут я увидела сама и устыдилась.

Выше нас по переулку стояла церковь с каменными воротами, перед нею виднелся железный забор, прикрывающий дощатый домик в зелени, на стене дома виднелась цифра «2» в круглой рамке. Все было верно, именно так кузен Сергей описывал подходы к своему жилищу. Более того, одна из створок калитки стояла приоткрытой, и в проеме маячила нескладная фигура кузена Сережи. С любого расстояния он излучал досаду с немой укоризной. Все нехорошие чувства разом растворились, я смутно улыбнулась Варечке и потащила ее представляться кузену Сергею. Прекрасно понимая, что при посторонней девице его гнев остынет, а реприманды обождут.

Одно, хотя и не самое важное последствие первого визита выявилось позднее. Поскольку я пришла не сама, то дорогу к дому Сергея помнила отменно худо. В памяти отложилось одно неудовольствие, а улицы и дома просто потонули в нем. В связи с чем следующие посещения Турчанинова переулкa происходили мучительно и невнятно. Тем не менее поначалу все сложилось как нельзя лучше. Присутствие Варечки смягчило Сергея, он сменил досаду на гостеприимство, вплоть до того, что пригласил девушку зайти и осмотреть его новый дом. Варечка согласилась, а мне возражать не прихо-

дилось. А очень напрасно.

Внутри забора жилище кузена оказалось уютным, хотя и грязноватым домиком, типичным для российской провинции. Имелись в наличии низкие переходы, затемненные террасы, крутые лесенки и окна с переплетами. Готовая декорация для фильма российских ужасов с трупами в чулане. Вот что подумалось мне тогда.

Мы с Варечкой ходили по дому, восхищались видами из окон, старались не свалиться с лестниц и антресолей, для чего бедняжке Варе приходилось подбирать длинную юбку. Но назвалась гостьей, так полезай, голубушка, на антресоли! Я потерпела свое у дяди-гипнотизера, а Варе приходилось убаживать моего странного кузена, даже испить чашку чаю с деревянными баранками. И это вместо обеда в Ирландском баре и непринужденной дамской беседы. Хотя, одну ценную информацию я выудила, Варечка обмолвилась, что выросла в таком же домишке на окраине города Иванова. Пустячок, а приятно!

Погостивши положенное небольшое время, Варя откланялась, и кузен Сергей выпустил её за ворота. Потом повел меня знакомиться с соседкой Ираидой, та проживала во второй половине дома и встретила нас с раскинутыми картами. Церемония взаимного представления ознаменовалась вальсом пик и свиданием в казенном доме. (После ухода со сцены девицы Вари напряжение частично спало, зато впечатления смешались вконец.)

Знакомство с оккультной соседкой Сергея вышло ничем не примечательным, кроме одного. Я поняла сразу, что ее мысли витают далеко от грешной земли, и по лицам она скользит взглядом, практически их не замечая. Основные интересы гадалки лежали в прошлом и будущем. Мое она основательно проработала и пообещала просто Бог знает что, сплошные перемены в жизни и неизменно к лучшему.

Больше всего в жилище кузена Сергея мне понравилась его отделенность от улицы, вход прятался за забором и садом, во всем остальном домишко оказался немислимой хибарой – ну так и стоило все удовольствие какие-то гроши, как честно признал Сережа.

Глава седьмая (№ 7)

(в которой узлы связываются и затягиваются, начинает проглядываться основное действие, а потом замирает, но все это смутно, никто из участников ничего не понимает. Да и куда нам?)

В тот вечер, чудесный и солнечный, я вывела Мику гулять на стадион, отдала на попечение белого друга Арчибальда, а сама пошла ходить кругами по тартановому покрытию, пытаясь обозреть результаты и свести концы с концами. Картина моих действий получалась вполне безотрадной, я много чего успела, только не поняла, чего именно. Одно было ясно, хочешь не хочешь, следовало ехать на венецианскую Ривьеру — только там можно разглядеть целостную картину прошлого, настоящего и будущего. Вполне понятно, хотела бы я увидеть причину, по которой в Венецию ехать не следовало.

Одна, правда, отыскалась, скорее, даже не причина, а больной узел семейных проблем, но он неожиданно легко распутался как раз перед выходом на стадион. По первому тартановому кругу я праздновала мелкую победу в позиционной войне с кузиной Фаинкой. Дела на нашем семейном фронте давно обстояли грустно донельзя. Всем поведением я оправдывала суждение о себе, как о дочери недостойной и эгоистичной. Если зимой я наотрез отказалась менять жил-

площадь с включением дачи для Фаинки, то ближе к летнему сезону возник иной вариант совместного проживания. (Как же это гадко, но особо противно осознавалось, что мелкая свара начала меня увлекать. Нота бене.)

Ближе к весне мама начала толковать о том, что семейный дачный участок и дом-скворечник непригодны для проживания с ребенком, а она так страстно мечтала взять Мику на воздух и посидеть с ним на природе. Я трусливо отмалчивалась, ничего не предлагая, тогда мама постепенно выложила мозаику сложного варианта. Основную тему там, разумеется, занимала троюродная кухня Фаинка. И не одна она. Фаинка собиралась везти на летнее проживание большое и смешанное куротное общество. Гвоздем которого мыслилась древняя бабушка Фаинкиного мужа, бодрая, лишь отчасти безумная старушка 94-х лет от роду. Ее надлежало пасти на травке наряду с их дочкой. В этих благородных целях мама замыслила снять дачу на паях для многосемейного проживания. Мама смело планировала обихаживать Микку, помогать с девочкой и бабушкой, тем временем, как мы с Фаинкой по очереди стали бы готовить общие трапезы на дачной кухне без водопровода.

Когда мама развернула призовой проект перед моим взором, я кротко ответила, что в таком случае Мика поедет на дачу со своим детским садиком. Там за ним присмотрят не в пример внимательней, поскольку не будет конкурентов в лице младенца Милочки и чужой бабушки, только сверстни-

ки с аналогичными нуждами, к тому же пригодные для игр. Мама очень обиделась, но планов не оставила, она терпеливо ждала, когда обстоятельства вынудят меня просить взять Мику на лето, а она поставит условием включение семейства кузины Фаинки в дачный вариант.

Спасла нас тетя Рита, мамина родная сестра. В процессе предварительных обсуждений, узнав о летних проблемах, она пригласила маму с Микой пожить у них на большой даче сколь угодно долго и совершенно бесплатно. Понятное дело, что без Фаинки и чужой бабушки. Мама тоже сделала вид, что думает, она обещала Фаинке уломать эгоистку Катю и настоять на своем варианте.

Тем же днем ближе к вечеру, прибыв от Сергея, я взялась за дело и произвела серию телефонных звонков. Сказала тете Рите, что дела зовут меня в Италию, не позовет ли она маму и Мику на свою дачу? Пока недели на две, если можно. Тетя Рита согласилась, ее внук Славик обожал моего мелкого, а ей самой не терпелось выучить маму обращению с мальчишками, там явно намечались сложности. Мама тоже согласилась, но постепенно и неохотно, потребовалась серия звонков и несколько пауз для размышлений. У мамы не было ни единого резона заставить меня обменять поездку в Венецию на согласие совместного лета с Фаинкой, но так хотелось поучить меня жить на пару с Фаинкой!

И все же, невзирая на скверность борьбы с кузиной за внимание мамы, это была самое простое и невинное из стоящих

передо мною дел. Остальное виделось гораздо сложнее и хуже. По второму и третьему кругу хождения я тщательно обдумала содеянное и убедилась, что сгоряча натворила много лишнего. Хотя все пострадавшие от моей поспешности были виноваты сами – тащили меня и толкали со страшною силой, осыпали лестью и подкупали разными благами. И слаб человек, я не устояла, рванулась действовать, и вот вам пожалуйста, действовала полную корзинку всякой белиберды. Приняла девицу Варю в подопечные, а на самом деле в поднадзорные. И покатались закономерные последствия: Варечка завлекла меня к страшноватому дяде-гипнотизеру, только к вечеру я очнулась и стала осмысливать более чем странный визит в клинику. К «дяде» меня явно притащили в качестве контрмеры. Но какой и к чему именно?

После чего, будучи в несознанке, я притащила Варю знакомиться с кузеном Сережей – и что на меня нашло? Явное помрачение мозгов и сумеречное состояние души в результате гипноза. Теперь Варечка и «дядя» профессор зловещих наук знали много больше, чем необходимо, точнее, оказались при знании моей «ахилессовой пяты», а именно крайне уязвимого кузена Сергея, причём с адресом проживания. Кроме того, я не совсем ясно представляла себе, каковы будут на деле результаты гипнотического внушения – мало ли что окажется под видимой поверхностью?

Сожаления о проделанной работе пришли, омрачили душевное состояние и развеялись, что сделано, то увы, сдела-

но. Покруживши по стадиону положенное время, я отозвала мелкого и дома призналась в ошибках подруге «гробовой змее», единственной напарнице, достойной доверия. Больше было некому, в Москве, равно как и в Лиссабоне, я тяжело страдала от отсутствия реальных собеседников. Последующий день не принес нам со цюрихской змеей ничего интересного до самого полудня. Я работала с иными девушками, а она отдыхала в шкафу.

Но вот в полдень сначала отзвонил, а затем и прибыл курьер из конторы Хвостова, он оказался лощеным мальцом двухметрового роста со свойской манерой общения. Юный гигант забрал мой заграничный паспорт и искренне восхитился убранством детской комнаты. Паспорт к своему стыду я искала довольно долго. Курьер успел не только оценить творчество кузена Сережи, но и поделился мечтой. При таком классном декораторе, как у меня, они с друзьями бы открыли модный клуб, отбою бы не стало от стильной публики. И попросил свести его с кузеном, сулил коммисионные, а декоратору бесплатное членство и ежевечернюю кружку пива поверх сметы.

Пришлось пообещать курьеру, что доведу идею до сведения декоратора, а он сам будет решать. Мальчик-курьер согласился, и отбыл к Хвостову с моим паспортом. Из этого делового визита следовало, что вчерашним днем мне почти ничего не приснилось, а соглашение остается в силе. Хотя бы по части Венеции. После полудня дела пошли немного

веселее. Позвонила Алла и еле слышным голосом попросила встретить ее на бульваре, на скамейке у Чистых прудов, напротив лебединого домика. Часа в четыре, вернее ровно в четыре часа, потому что в старой ее квартире ведутся ремонтные работы, а это совсем рядом. Я повесила трубку и впала в размышления – вот они и последствия! Не иначе, как Аллочка замыслила сказать «мерси» или наоборот, пожела- ла информировать, что мои действия привели к печальным эффектам. Каким именно, я даже придумать не смогла. Что- бы соблюсти принцип единства места и действия, я во вто- рой раз прикинула на себя «гробовую змею» и осталась ею довольна. Что бы ни объявила мне действующая супруга Па- ши на Чистопрудном бульваре, «гробовой» наряд в любом случае будет отвечать серьезности момента.

Второй выход в свет «гробовой змейки» мне достался лег- че, вот что значит привычка. Пройдясь в змеиной шкуре под сенью вековых бульварных деревьев, я вскорости оказалась у пруда и стала подле него, как громом пораженная, причем среди ясного неба, при свете солнца, едва уклонившегося от зенита. Случилось невероятное, такого просто не бывает в природе и реальной жизни нормальных людей. На краю пруд- а внезапно вырос замок-терем, всю дорогу являвшийся мне в отроческих мечтах!

Темной ли ночью, белым ли зимним днем, но много лет подряд я позволяла себе строить (мысленно, разумеется) на этом заветном месте белое здание с зеркальными окнами, с

бальными залами и иными приманками девичьих грез. Туда бы меня привозила карета в романтических целях. Теперь замок наглядно возник почти в вымечтанной плоти, принял вид ресторана и фитнес-центра по прозванию «Белый лебедь», но меня одолело смущение, мечты смешались с реальностью чрезмерно круто и зримо. Однако, долго размышлять не приходилось, замки себе замками, а реальная Алла ждала меня на скамье и хотела сказать что-то важное, если не романтическое. Мечты и реальный бульвар слились в одно целое, а я, невзирая на их слияние, двинулась к скамье, где ждала Алла, готовая сделать заявление. Правда, сначала она сделала комплимент моему отличному костюмчику, затем церемонно приступила к делу.

Алла горячо поблагодарила за труды, высоко оценила оказанное содействие, признала, что миссия увенчалась полнейшим успехом, но... Еще более настоятельно она просила считать дело законченным, ничего не предпринимать, а, главное, забыть о происшедшем. Желательно навсегда. Алла даже объяснилась, принося благодарность. Оказалось, что Паша имел с ней беседу накануне вечером, не откладывая дела в долгий ящик. Отнюдь не признаваясь ни в чем, хитроумный Паша тем не менее покаялся и пообещал уладить отношения к всеобщему удовольствию. Обо мне он отзывался исключительно хвалебно, но посетовал, что Алла решилась побеспокоить занятую Катрин такими пустяками.

Что касается неприличных тайн и гадких фотографий, то

в разговоре данные темы не фигурировали, как будто ничего подобного не происходило никогда. И ликер «Куантро» из черных бутылочек мы с ней на скамейке не пили, надобность в нем отпала. В свою очередь я умолчала о знакомстве с Варечкой и дядей, а также скрыла предстоящую поездку в Венецию по прямому заказу Паши. Не беспокоить же занятую Аллу такими пустяками!

Глава восьмая (№ 8)

(в которой не происходит практически ничего, потому что завязка у нас кончилась, а основное действие и не думало начинаться. Поэтому глава получается ностальгическая и философская, кому не интересно, тот может пропустить)

Мне же предстояло более сложное мероприятие, следовало ввести кузена Сережу в дом Эли Добровольской, но так, чтобы из этого вышло не сомнительное деяние, а в любом случае стоящее и доброе дело. Кто бы видел обоих фигурантов, тот понял бы сразу, какую сугубо непосильную ношу я на себя взвалила.

Кстати говоря, моя личная мамочка высказалась с прямо-той римлянина, что я просто-напросто сошла с ума. Ставить ее в известность о моих планах пришлось по самой что ни на есть элементарной причине. Эля ждала нас к семи, а до шести маме следовало забрать из сада Мику, не везти же его с собой в гости. И сказать, куда я ухожу, тоже пришлось, иначе мама бы все равно узнала от Элиных старушек раньше или позже. Вот тогда никто бы мне не позавидовал, мама точно вынула бы из меня душу. Кузена Сережу она терпеть не могла, видела в Москве один раз и больше не хотела никогда. Куда ни кинь, все получалось не так, но уж извините...

(*Простой способ добиться послушания домочадцев со-

стоит в том, чтобы сравнивать их действия с идеалом. Особо успешно процесс удастся, если идеал невнятен, всегда можно сказать с грустью: «я ждал от тебя совсем другого», но при этом не уточнять, чего именно. Озадаченный индивид будет теряться в догадках, идеал может изменяться каким угодно образом, и лицо, призванное к послушанию, никогда не приблизится, что от него и требуется* – «33 совета послушным детям и хорошим женам». Как сделать маму счастливой и удачно варить ботвинью» – рецепт на все времена. Отчасти подчерпнутый у Сцинтии с Сашей, это я признаю честно и сразу.)

Завтра, как ему и следует, наступило, Сергей отзвонил с утра и напомнил, что встреча состоится как назначено, если я не опоздаю, а мне пришлось рассыпаться в обещаниях и уверениях. Далее с болью в сердце пришлось напомнить Сергею о форме одежды, с него стало бы заявиться в гости к незнакомой Эле в мятых штанах и без галстука. Насчет галстука вышло, правда, совсем худо. Сережа уперся и внезапно решил никуда не ходить. Ни за какие сокровища мира он галстука надевать не собирался, его просто нету в природе, к тому же он не знает, как завязать узел. Пришлось пообещать, что галстук я принесу с собой завязанным, где-то в ящике он, кажется, валялся. Супруг Миша-старший, смутно помнится, капризничал по поводу галстука, совсем как Сережа. Галстук нашелся, но вид его был непристойен до крайности. Мика использовал шелковый поводок, чтобы таскать за со-

бою белого барашка Бяшу по дому и даже выводил питомца на балкон. Однако другого галстука не нашлось, и я понадеялась, что среди пестрых узоров лишние пятна сгладятся.

Но это все оказалось пустяком и мелочью по сравнению с тем, что пришлось пережить на том же бульваре в шесть часов тридцать минут пополудни. Подружка «змея гробовая» осталась дома, я выбрала скромный наряд, не способный смутить никого, включая ученую девушку Элю Добровольскую, заколола волосы бантом и прибыла к воображаемому замку на Чистопрудном бульваре ровно минута в минуту.

Кузен Сергей обещал ждать меня на скамье у фонтанов с птицами и обещание сдержал, сидел на скамейке, как дуся. Но сидел не один, рядом располагался странный тип, и видно было издали, что сидят они вместе отнюдь не случайно. Мало того, Сережин спутник показался смутно знакомым, и по этому поводу куча неоформленных подозрений, включая самые смехотворные, зашевелилась у меня в мозгу! Хватало впечатлений от светских бесед с Аллочкой, а в данном случае померещилось, что к фамильному кладоискательству Сергей самовольно подключил консультанта, это раз.

Далее я вообразила, что кузен решил подменить себя у Эли подставным лицом, и выбрал замечательную замену. Его напарник по скамейке бросался в глаза обильными кудрями столь интеснивного каштанового цвета, что они казались крашеными. Кроме того, этот персонаж, нимало не смуща-

ясь, сидел у публики на виду в белых брюках и в полосатом летнем свитере. Но именно по смелости наряда и вольности позы я припомнила, откуда я этого щеголя знаю, затем без труда сообразила, зачем Сергей притащил его на randevu. От сердца отлегло, я перестала лелеять мечту об удушении кузена галстуком и подошла к обоим мирно, более того, с приятной улыбкой. Ею я приветствовала доброго старого знакомого, без малого – друга юности.

Давным-давно моя близкая приятельница Ариша Родионова влюбилась без памяти почти что в иностранца. Сначала пару слов об Арише. Ее предки Родионовы без жалости называли чадо Ариной, наверное, для того, чтобы каждый встречный обращался к ней с известными строками: «Выпьем, добрая подружка!» Дальше шло про кружку, бедную юность и прочее. Ариша, по всей видимости, не отчаялась только потому, что на пароль неизменно отвечала отзывом: «Где же кружка?» Кружки, как правило, не находилось, оттого предложение сиротливо повисало в воздухе. Отчасти из-за кружки или в связи с пушкинскими ассоциациями, личная жизнь у бедной Ариши складывалась плохо, по крайней мере до встречи с практическим иностранцем.

Возлюбленный Ариши приехал на учебу в МГУ из города Таллина, к русской литературе был вполне равнодушен, потому не ведал тайны имени и фамилии прелестной девушки «Арише» (он всех девушек звал с тонким изменением падежа, наверное, по своим языковым традициям). Эстонский

кавалер ни разу не предложил девушке выпить из осточертевшей кружки, назвавши её доброй подружкой бедной юности. Скорее всего, именно за это упущение в образовании Ариша полюбила его без памяти.

Лично мне герой романа показался при встрече надменным и довольно противным, однако я скромно держала мнение при себе, пока Ариша не вернулась из Таллина, куда ее позвали знакомиться с родителями героя. Бедняжка приехала в глубокой задумчивости, собрала вокруг себя пару-другую знакомых девиц и впервые в жизни заговорила пушкинскими стихами.

– «Выпьем с горя, где же кружка?» – предложила Ариша с грустью в голосе. – «Сердцу будет веселей!» И больше ее никто ни о чем не спрашивал.

Так вот, давний герой Аришиного романа и восседал рядышком с кузеном Сережей на означенной скамейке. Его легко было опознать даже по прошествии множества лет, образ запечатлелся в памяти с яркостью необыкновенной. Еще клочок информации промелькнул мимо, и я почти сразу осознала, что дед романтического героя Аришиной юности и служил послом в Париже, после чего купил Кексгольмские мануфактуры у моих предков. А откуда бы еще кузен Сергей взял в спутники по скамье эстонского щеголя в ярком свитере и белых штанах? Только из глубин финансовой семейной истории.

А как было бы занятно узнать эти щекотливые подробно-

сти в прошедшие времена, когда милая Ариша представляла поклонника – думалось по дороге к скамейке, пока я выходила из под сени аллей. Вот поехала бы я с ней на пару к его предкам выяснять отношения, то они, может статься, не капризничали бы с выбором невестки! Я могла припомнить, что они купили у нас мануфактуры по дешевке, хотя сами пользовались недолго, история всех уравнила в имущественных правах.

– Здравствуйте, я вас сразу узнала, – радостно приветствовала я потомка покупателей, имя вылетело из памяти и не вернулось.

– И я вас тоже. Как неловко получилось. Я еще забыл, как вас звали, – отозвался он. – Но как Арише? Вы её теперь знаете?

– Отчего же, все в порядке, – ответила я с удовольствием. – У Ариши трое детей, прекрасный муж Володя, так что вам спасибо.

– Это я очень рад, – искренне обрадовался собеседник. – Такая чудная девушка, а я был такой дурак. Родители сказали, что у русских с эстонцами получаются ужасные гибриды. Арише очень грустила, а я... Теперь у меня тоже русская жена, но гораздо хуже.

Прямота и охотная откровенность эстонского потомка меня подкупили, я бы длила вечер воспоминаний до полной бесконечности, когда бы не заметила вовремя, что кузен Сережа близок к обмороку. Даже душиť его пестрым галсту-

ком необходимости не было никакой. Наша беседа-импровизация сразила кузена наповал, наверное, бедняге померещились интриги с наследством, не иначе. Пришлось вкратце доложить, что мы с потомком были знакомы издавна, и присовокупить анекдот с кружкой. Это Сергей понял сразу, даже криво улыбнулся, но для нашего иноязычного собеседника литературные тонкости остались потерянными. В особенности кружка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.